

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ

МОРЕ СУМЕРЕК

Новые эльфы

Владимир Мясоедов

Море сумерек

«Мясоедов Владимир»

2012

Мясоедов В. М.

Море сумерек / В. М. Мясоедов — «Мясоедов Владимир»,
2012 — (Новые эльфы)

ISBN 978-5-9922-1152-8

Сумерки – это удивительное время между светом и тьмой. А эльфы, зовущие себя сумеречными, – весьма странные создания. В их небольшом пустынном государстве, недавно появившемся на карте мира, все не так, как у других. Зловещая нежить, не знающая покоя и отдыха, обычно бывает занята на строительных работах. Порталы доставляют к грядкам воду. Дань с подданных собирается не золотом, а удобрениями. Гигантские монстры заменяют ездовых лошадей, и всадники их вооружены не виданным нигде больше огнестрельным оружием. И нет объяснения загадкам той страны, кроме одного. Эльфы, что составляют верхушку недавно созданного королевства, нет-нет да называют себя русскими.

ISBN 978-5-9922-1152-8

© Мясоедов В. М., 2012

© Мясоедов Владимир, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Мясоедов

Море сумерек

Пролог

Архимаг Келеэль из дома Вечной листвы, хоть и не являлся официальным государственным деятелем, а был всего лишь частным лицом, пусть и весьма могущественным, в вопросе управления государством немного разбирался. Волей-неволей поднаберешься опыта за пять тысяч лет жизни, большую часть которых считаешься сильнейшим магом эльфийского народа. Да и всего мира. Но пути выхода из ситуации, в которой оказалась только-только зарождающаяся нация сумеречных эльфов, ему на ум что-то не приходило. Ну кроме уже озвученных и признанных непригодными. Имей древний волшебник возможность вступить в беседу, что-нибудь и придумалось бы, но поскольку на собрание, равное по статусу государственному совету, он явился незванным, то вынужден был хранить молчание. Ну и заодно парить над полом, укутавшись в сложнейшую паутину заклинаний, защищающих его от обнаружения. Причем банальные чары невидимости были в ней самыми простыми. Шаман Михаэль, предводитель созданного Келеэлем народа, не раз удивлял старшего сородича весьма оригинальным, но эффективным подходом к искусству волшебства, и недооценивать его таланты было глупо. Конечно, если бы архимаг постучался в дверь дворца-пирамиды, в прошлом храм каких-то темных культистов, а ныне – административный центр строящегося города, призванного стать столицей формирующегося государства, то его, без всяких сомнений, приняли бы с почетом и внимательно выслушали, даже если бы древний маг начал нести сущую околесицу. Ведь фактом жизни главы и, по сути, родоначальники новой нации были обязаны эксперименту, в ходе которого Келеэль воскресил несколько душ, призванных им из невообразимых иномировых далей. Архимаг снабдил их прекрасными телами, начальными ресурсами и время от времени оказывал своим творениям поддержку.

Надо сказать, чародей считал опыт в целом успешным, хоть и пошедшим в каком-то не том направлении. Озаботившись постепенным вырождением собственной расы, он решил увеличить ее число за счет сородичей, живших и умиравших под чужим небом. Привитая сотнями опасных экспериментов осторожность заставила его для начала ограничиться небольшой группкой в девять особей, одна из которых к тому же так и не ожила. И несколько лет не минуло, а количество перворожденных, пусть и немного странных, выросло на десятки. Причем не благодаря беспомощным новорожденным, которых еще лет сто воспитывать, а за счет полноценных взрослых особей. Скажи кто-нибудь архимагу всего лишь пару лет назад, что подобное возможно, и он был бы высмеян как безнадежный фантазер. Величайший волшебник мира, способный воскрешать мертвых и в одиночку уничтожать армии, такого даже представить себе не мог. Сумеречные же эльфы и не представляли – они просто работали: несколько десятков освобожденных из плена дроу наделили ложной памятью и подвергли ритуалу по изменению сути, после чего те стали новыми членами клана Эльдар. Архимаг, несмотря на произошедшие с извечными врагами его расы метаморфозы, все-таки не мог считать их сородичами. Но вот их дети... Отличить подобного отпрыска от чистокровного эльфа не взялись бы даже боги. А потому он, Келеэль, согласился и с существованием их родителей. Ну а если они сами погибнут, не его проблемы. Но это вряд ли произойдет. Древний волшебник усвоил: если шаман Михаэль, которому он периодически дает уроки, берется решить какую-то проблему, то посмотреть на это как минимум интересно. Иногда даже полезно. Юное дарование уже смогло несколько раз серьезно удивить старшего собрата и подкинуть ему несколько полезных идей. А такое в искусстве волшебства ценится куда выше золота и драгоценных камней. Следова-

тельно, архимагу логичнее подождать и увидеть, что получится из его затеи. Ну и, может быть, чуть-чуть помочь. Если потребуется. А то что-то атмосфера на импровизированном государственном совете воцарилась нерадостная.

– Следует признать, – подвел результат затянувшихся дебатов Михаэль, – что я как руководитель государства повторил подвиг Моисея, таки нашедшего за сорок лет на Аравийском полуострове место, где нет полезных ископаемых, пусть и с меньшими временными затратами. В наших краях из природных ресурсов нет ничего: ни нефти, ни газа, ни железа, ни даже угля. Караваны до недавнего времени обходили эту часть пустыни десятой дорогой; сейчас положение, конечно, лучше, но все равно стать торговым центром в ближайшую сотню лет мы вряд ли сможем. Даже камень в горах и тот ни к черту не годится! Один гранит! Его обрабатывать и возить куда-то без первоклассных дорог себе дороже. Возникает такое чувство, что это место выбрано специально как самое бесперспективное. Из аборигенов здесь только полудикие кочевники, которые гоняют по маленькому куску плодородной земли тощий скот, от скуки режут друг другу глотки и во сне видят, как втыкают ножи нам с вами под лопатки! А еще ведь есть проблема воды! Реальные затраты магической энергии на обеспечение более-менее комфортных условий для жизни и поддержку насаждений, как оказалось, превышают расчетные чуть ли не в три раза! К тому же артефактный портал на элементарный план стихии, который сейчас является источником влаги, не вечен. И он выйдет из строя, причем с подобными нагрузками скорее рано, чем поздно. Тогда придется спешно эвакуировать горожан и выселять неизвестно куда драконов, так как колодца в нашем подвале на всех не хватит. Крупный город в сложившихся условиях инфраструктурой не обеспечить. К тому же деньги, которые пока, к счастью, имеются с избытком, тоже рано или поздно закончатся, и мы не сможем закупать нужные товары у торговцев. Как бы то, что у нас есть, урезать не пришлось. Ваши предложения?

– Мих, не понимаю, с чего вдруг такой пессимизм? – пожала плечами эльфийка со странным именем Шура, и ее высокая грудь при этом колыхнулась, моментально собрав на себе заинтересованные взгляды всех присутствующих мужчин. Телосложение и внешность Шуры были близки к идеалу настолько, насколько это вообще возможно, но, к сожалению, в качестве компенсации девушке достался не слишком острый ум и весьма скверный характер. Превзойти ее в стервозности могла разве что Кайлана, чистокровная дреу, над которой никто обрядов смены сути не проводил. Ее всего лишь насильно выдали замуж за человека, присягнувшего на верность сумеречным эльфам, и скрепили обряд благословением бога гномов. Теперь, если бы бывшая младшая жрица Ллос вернулась в обжитые ее расой подземелья, перед старшими служительницами богини встала бы сложная проблема. Изощренную казнь для такой отступницы даже они с их изуверским тысячелетним опытом придумали бы далеко не сразу. То, что согласия на брак не спрашивали ни у невесты, ни в общем-то у жениха, для служанок паучьей королевы и, главное, для нее самой роли не играло. – Ведь мы вроде и не собирались форсировать развитие этих мест и ударно строить коммунизм на захваченных землях в ближайшую пятилетку за три года. Сначала надо как следует воспитать тот детский сад, что понабрали у дикарей, и сделать из заложников верных и преданных помощников, ну а потом...

– Милая, – поправил спутницу жизни Семен, откликающийся на прозвище Шиноби и являющийся, за неимением лучшего, кем-то вроде главы разведки, – до «потом» еще надо дожить. И Мих говорит, что у нас с этим проблемы. И я, знаешь ли, ему верю. Уж что-что, а предсказывать неприятности наш верховный и единственный шаман умеет профессионально.

Келеэль поморщился. Пророческие способности лидера сумеречных эльфов, которые Мих не раз демонстрировал в прошлом, мешали архимагу проворачивать свои дела, оставаясь в тени, как он привык за тысячелетия жизни. Приходилось играть почти в открытую. Да и эта манера сокращать имена до одного-двух слогов... Нет, сам архимаг тоже не терпел эти-

кета, чем, кстати, прославился едва ли не больше, нежели своими неоднократными одиозными выходками и поступками. Но всему есть предел!

– Именно, – подтвердила супруга Михаэля Лика. – Если мы продержимся десять лет, тогда в строй войдут те, кто сейчас учится в открытых школах и незаметно для себя получает в глубинные слои психики установку на верность. Кстати, надо бы обновить запас питания для Мозга, в кладовой всего лишь три головы осталось.

Этот живой артефакт, способный чрезвычайно на многое, к примеру, полностью подчинить себе или своему хозяину любое живое существо или вложить прямо в голову навыки по искусствам боя или магии, только что воскрешенные сумеречные эльфы уперли из жилища пятитысячелетнего некроманта и демонолога, но раскрыть весь его потенциал так и не сумели. Впрочем, маг не возражал, поскольку всегда мог вернуть свою вещь, да и не нужна она ему была пока, только место в безразмерной кладовой занимала.

– Займусь, – кивнул самый брутальный из воскрешенных Келеэлем эльфов, Азриэль. Хотя на имя Рустам он тоже почему-то отзывался. Архимаг возвращал его к жизни дважды, поскольку один раз воина уже ухитрились убить. Впрочем, с представителями его профессии подобное бывает сплошь и рядом, а за работу волшебник получил вполне пристойную, по собственным конечно же меркам, плату. Причем не банальным золотом, а секретами мастерства, которые принесли с собой в этот мир его новые эльфы. – У нас установились неплохие отношения с местной гильдией охотников на чудовищ. И как они умудряются добывать этих подчиняющих сознание тварей с щупальцами вместо глаз?

– Бьют так, чтобы не попасть под псионические способности, – предположила подруга Азриэля, целительница Настя, которая в своей работе почему-то предпочитала полагаться не столько на магию, сколько на травы и хирургическое мастерство. Впрочем, артефакты для врачевания, которые Келеэль создал по ее указаниям, лекари Западного леса приняли с восторгом. – Ловушками, к примеру, которые ставят в их подземных жилищах. Главное, чтобы они в окрестностях не перевелись раньше, чем Мозг перестанет быть нам нужен. И зачем архимагу понадобилось сотворить такое существо из гипнурга, да к тому же способом его питания делать исключительно каннибализм? Ладно, не о том речь. Какие кто видит пути выхода из возникшего кризиса?

– Кроме тех, которые перечислил Мих, ничего на ум не приходит, – сознался Серый, брат Насти, воин, как и его подруга Викаэль, которая после недолгого, но ужасного плена у орков старалась не отходить от своего избранника и незнакомых мужчин инстинктивно сторонилась. – Да и что еще можно придумать, кроме переноса нашего места обитания в более благодатные места, кроме регулярных грабительских походов и захвата колоний? И вообще, не понимаю, почему бы нам не воспользоваться первым вариантом и не покинуть эту унылую пустыню.

– Потому что все уютные места давно расхватаны, – поморщился Михаэль. – Это здесь, в песках, где, в общем, никого и ничего нет, мы со своими гигантскими ручными скорпионами, деревянными роботами, баллонами с хлором и аж двумя драконами – грозная сила, а сунемся в более цивилизованные места – сожрут. У нас же и пяти десятков сумеречных эльфов не наберется, причем большая их часть раньше была дроу, а потому до сих пор страдает от провалов в профессионально почищенной памяти и неумения управляться с имеющимися волшебными силами.

– Ой ли? – усомнилась Ликаэль. – А мне кажется, на захват какой-нибудь маленькой страны нашей мощи вполне хватит. Ты, между прочим, практически на равных дрался с князем Западного леса, а значит, вполне можешь в своем артефактном божественном доспехе, собранном из попавшегося под руку хлама, считаться равным по силе архимагу. Да и остальные наши войска способны уничтожить большинство имеющихся в этом мире армий.

Келеэль поморщился. Он не любил вспоминать тот случай, когда два молодых талантливых эльфа, принимающих его за наставника и палочку-выручалочку в одном лице, сцепились между собой как враги. Пущенная в дело фамильная сила князя Западного леса столкнулась с армадой мелких духов, которым разум заменила воля шамана. Потасовка получилась знатная, новый лес на том месте вырастет не скоро. Хорошо, что архимаг успел их вовремя разнять.

– Ну может быть, но с какими потерями? – спросил ее Михаэль. – Готова похоронить Шуру или Серого? Да к тому же и сама ты не застрахована от покушений, как де-факто соправитель сумеречных эльфов, и нет гарантии, что Келеэль сумеет тебя воскресить. Есть способы, мешающие проделывать подобное. Тогда, в схватке с князем, мне повезло: он устал после длительного противостояния гипнургам и дроу. И шансы на победу у нас были примерно одинаковые. В случае же, если наше войско встретит архимаг и я проиграю, остальных перебьют как тараканов. А повторить мои «Доспехи Бога» нельзя, иначе придут настоящие небожители и устроят нам новую Атлантиду, невзирая на всякие мелочи вроде сопротивления и пустынного климата. То предупреждение, которое они послали, было на редкость... убедительным. Придется нам в боях обходиться обычным или почти обычным оружием. Ну или подождать, пока сумеем сотворить новое «Вундерваффе», принципиально отличное от предыдущего.

– Ты преувеличиваешь, – возразила ему присутствующая на совете Кайлана, лучше всех знающая реалии этого мира и являющаяся наставницей новичков. Надо сказать, дроу со своей работой справлялась превосходно. Не в последнюю очередь потому, что служение Ллос научило ее виртуозно обращаться с кнутом. – Ваши големы, эти, как их, «Буратинаторы», – великая вещь. Десять – пятнадцать таких штукovin измотают атаками даже того, кто владеет высшей магией.

– Но не помешают ему удрать и вернуться на следующий день отдохнувшим, чтобы выбить наши машины по одной, – буркнул Азриэль, которого две смерти подряд, да еще с относительно небольшим интервалом между ними, научили ценить жизнь. – Вот потому-то я решительно против завоевания новых территорий или грабительских походов куда бы то ни было. Во всяком случае, если на наш удар могут ответить ударом.

– Это, скорее, растения, а не машины, – поправила его Викаэль.

– Не могу привыкнуть к тому, чтобы считать, по сути, боевого робота продукцией с грядки, – покачал головой воин. – Но это роли не играет.

– В общем, сейчас мы решение не найдем, – подытожил Михаэль. – Ладно, год как минимум есть в запасе, будем думать. Лично я склоняюсь к мысли обустроить в пирамиде надежный форпост, который будет защищать вход в наши земли, а потом перебраться в глубь долины, туда, где есть речки, пусть маленькие, но настоящие, и уже там отстроить по мере сил настоящий город. Только сначала надо правильно выбрать место – это важно. В окрестностях бывшего храма культистов сделано, конечно, много... но не настолько, чтобы нельзя было просто бросить его и уйти в другое место. А там уже и о развитии земледелия можно поговорить. Кочевники, конечно, будут недовольны... но они и так не любят и боятся нас, так что, думаю, сможем заставить какой-нибудь не слишком сильный род забыть про овец и взяться за мотыги. А если появится постоянный излишек продуктов, очень быстро нарисуются и те, кто с удовольствием будет жрать. Кстати, что там у нас с новыми переселенцами? Семен, ты вроде говорил, есть проблемы?

– Это мягко сказано, – буркнул Шиноби. – Нас от цивилизации и населяющих ее людей и нелюдей отделяет приличное расстояние, да и репутация у сумеречных эльфов неоднозначная. В общем, переселенцев, привлеченных щедрыми посулами, прибыло за год нашего сидения в этой глуши до смешного мало. И почти все они либо прожженные авантюристы, жаждущие золота, либо беглые преступники, либо попросту шпионы. Причем последних Мозг выявил столько, что я даже не знаю, что с ними делать. У нас тюрьма на такое количество не рассчитана!

– Хм, – задумался Михаэль. – И чем они сейчас занимаются?

– Да ничем, – пожал плечами Семен. – Пара особо наглых в камерах, один помер, когда ему ментальную блокировку ломали, остальных собрал на карантине и никуда не выпускаю. Почему – никому не сообщается. Хотят – пусть бегут. Все равно в одиночку и без припасов пустыню не пересечь. Да и драконы их легко догонят, если что.

– М-да, ситуация, – почесал затылок шаман. – Слушай, Рустам, а ведь у нас дефицит кадров, которых можно послать на опасную работу вроде разведки подземелий или охраны границ, так?

– Ну да, – кивнул Азриэль. – Солдат не хватает даже на регулярные патрули. Приходится кочевников напрягать, но веры им нет. За монету отвернутся, а за кошель, если прирезать нарушителя не смогут и все себе забрать, еще и помогут что-нибудь ценное у нас тырить.

– Так почему бы нам не использовать разоблаченных шпионов? – предложил шаман. – Подготовка у них наверняка имеется, жалеть их точно не будем, а что до шпионажа... – Губы правителя сумеречных эльфов исказила веселая и злая улыбка. – Пусть воруют чего хотят. Вот только к городу с его сплавом техники и магии мы их больше и на пушечный выстрел не подпустим. И надо бы сделать какое-нибудь представление поэффектней, чтобы перепугались до мокрых штанов, прониклись значимостью своей миссии и не пытались вредить нам. Да и дыру для постоянного места проживания этого штрафного батальона лучше бы найти такую, которую и разрушители миров при конце света не вдруг найдут.

Келеэль покачал головой. Ему эта идея не показалась умной. Впрочем, пусть сумеречные эльфы попробуют ее воплотить. Может, что-то у них и получится.

Глава 1

Каэль отвернул голову в сторону, чтобы не видеть начала казни, на которой был обязан присутствовать. Исполнение наказания еще не началось, но приятного уже сейчас было мало. Ужас в глазах жертв, их отчаянные мольбы о милости и снисхождении, голодное безумие в зрачках палачей и летящая из оскаленных пастей пена, неясный гул толпы, возбужденной предвкушением отвратного и вместе с тем захватывающего зрелища. Зачем на все это «любоваться»? Не лучше ли, к примеру, внимательно изучить свое отражение в щите стражника, стоящего в паре шагов от тебя и охраняющего то ли зрителей от «содержимого» амфитеатра, где вот-вот прольется кровь и оборвутся жизни, то ли тех, кому предстоит убивать или быть убитым.

Острое зрение перворожденного позволило его обладателю увидеть в начищенном металле высокого жилистого эльфа, облаченного в простую зеленую одежду без украшений. Овальное лицо с правильными чертами выглядело довольно симпатично. Зеленые глаза под длинными ресницами смотрели цепко и умно. Природную бледность кожи подчеркивали искусно выполненные черные татуировки. Рисунки иных цветов смотрелись несколько хуже, но тоже не портили общей картины. Да их не так много и было. Так, пара алых мазков на висках, говоривших о том, что их обладатель – воин, причем не рядовой; небольшая синяя точка в центре лба, показывающая всем, что искусство магии тоже не чуждо ее хозяину, ну и бледно-зеленая метка принадлежности к вассалам лорда-жреца на кончике подбородка. Все остальные знаки были темными. Древние руны, повествующие о смерти в рбах матери, лишённой клана, и отсутствии отца, сплетались с символами траура по погибшим начальникам и подчиненным. Весьма многочисленными. Лишь тонкость нанесенных линий уберегала прекрасное лицо Каэля от того, чтобы стать гротескной маской выходца из нижних планов.

Раздался отчаянный крик, наполненный болью и ожиданием неизбежной смерти, впрочем быстро перешедший в едва слышное бульканье. Мужской. Каэль захотел выругаться, но привитая в детстве дисциплина пусть и с немалым трудом, но уберегла перворожденного от прилюдного сквернословия.

«Хотя, – невесело ухмыльнулся про себя эльф, – кто обратит на столь мелкий проступок внимание? Да и в любом случае мне сейчас навредить сложно».

Новая серия криков была куда продолжительней. И громче. Потому что исторгала их глотка женщины, с которой убийца решил немного поиграть. А жертва, к его радости, попалась живучая.

Каэль всерьез задумался, не заткнуть ли ему уши, но потом все же решил этого не делать. Следующие осужденные наверняка умрут быстро. Дети. Долго они не протянут, да и не одобряют жрецы их мучений. Даже если страдают те, кого они самолично приговорили.

Звуки, доносящиеся с арены, подтвердили его предположения. Эльф невольно восстанавливал происходящее на песке, словно видел это своими глазами, которые впились в злополучный щит стражника так, будто хотели расплавить отражающий свет металл. Вот жертву, перепуганную смертью родителей, выталкивают из предназначенных специально для преступников ворот. В руке у нее жалкий нож, скорее всего, тупой и ржавый. А прямо к ней, скалясь перемазанной в крови пастью, идет палач и вестник невинности в одном лице. Священный белый волк, возвращенный жрецами специально для травли преступников и проведения ритуалов. Здоровенная и практически разумная зверюга, вполне пригодная для того, чтобы встать под седло и нести наездника без усталости целыми днями. Своеобразный ответ верховым ящерам друу, в бою добавляющим остроте клинков подземных отродий вечно голодные оскалы. Если волк пощадит обвиняемого, тот вернется к прежней жизни и о его проступке забудут, ведь боги по каким-то своим причинам воспротивились смерти нарушившего закон. А если

на песок арены упадет мертвым священный зверь, тогда уж солоно придется обвинителям. Но это бывает редко. С обычным верховым волком справится далеко не каждый воин в полном вооружении и броне. А питомец жрецов благодаря священной магии крупнее собратьев раза в полтора. Выходить на такого с ножом... странно, но мастеров меча на арене за всю ее историю, кажется, не бывало ни разу.

Шум стих. Спустя время, необходимое для успокоения зверя и уборки трупов, над амфитеатром разнесся голос глашатая, объявлявшего о новом наказании. Публичной порке новобранца, посмеявшегося оспорить приказ командира.

«Смертельных приговоров сегодня больше не будет, – понял Каэль и облегченно вздохнул. Очередная жертва, сапожник, пытавшийся покинуть пределы Древнего леса со своей семьей, но пойманный пограничниками и осужденный на показательную кару жрецами, больше уже никогда не возьмется за свое ремесло. – Жаль мастера, хорошую обувь делал. В детстве были у меня сандалии его работы. Пять лет носил, пока из размера не вырос, а потом обратиться к нему не было возможности, потому как началась учеба в Зеленой страже».

– Знаешь, пойду-ка я, пожалуй, – решил эльф и, сделав два шага в сторону, отдал копьё соседу по цепи, служащей дополнительной защитой для того сектора трибун, что облюбовали жрецы и знать.

– Так ведь смена еще только началась... – удивленно раскрыл рот от такого пренебрежения обязанностями новобранец, только-только заступивший на службу. – Это ведь... ну... карцер!

– Для тебя, – хмыкнул Каэль, наконец-то нашедший в наступившем дне хоть что-то хорошее. – А я со вчерашнего дня не служу, просто остался должен одно дежурство в соответствии с расписанием караулов. Но наверное, в связи с увольнением стоять его мне уже и необязательно? Как считаешь?

И, не дожидаясь ответа, ввинтился в боковую улочку и был таков. Комнату в казарме он вправе держать за собой до конца года, а одежда стражника, пусть и без полагающегося по уставу оружия, помогала прокладывать путь в любой толпе. Дорога его пролегалa туда, куда простым воинам, да и не очень простым, если на то пошло, она была заказана. В Цитадель Мудрых. Вопреки названию обитель сильнейших волшебников народа перворожденных на неприступную крепость походила слабо. Зеленая изгородь по пояс, приятные глазу белые стены полированного мрамора, а рядом на лужайке несколько начинающих чародеев, медитирующих или просто слоняющихся. Впрочем, не в высоких укреплениях была сила Цитадели, а в искусстве и мастерстве тех, кто жил и обучался тут.

Дверь одного из самых больших и роскошных домов сама собой захлопнулась перед лицом Каэля. И он, выругавшись для разнообразия вслух, потянулся за амULEТОМ-КЛЮЧОМ.

– Не подобает осквернять обитель знаний подобными словами, – мягко, но непреклонно прозвучал знакомый голос за спиной эльфа, у которого при распознавании недовольных интонаций рефлекторно заняло место пониже спины.

– Как прикажете, о сиятельнейший и великолепный... – начал он официальное извинение, разворачиваясь, но, прежде чем фраза была закончена, в лицо ему как будто ударил порыв свежего ветра и последние слова услышали уже стены особняка того, к кому Каэль и направлялся.

– В раскаяние твое верю, – солгал ему в лицо эльф, на испещренном морщинами лице которого без труда читалась мудрость столетий. А кто не обладал достаточными навыками в ее распознавании по внешнему виду собеседника, легко мог справиться с подобной задачей при изучении плаща магистра магии, накинутого на плечи. – И все равно не подобает!

– Зачем тебе это нужно было? – помолчав несколько мгновений, спросил бывший стражник.

– О чем речь? – Старый волшебник не только не разгневался на грубый тон, но и демонстративно неумело изобразил полную непричастность к обсуждаемой теме. Если бы чародею понадобилось, то догадаться о лжи без помощи мага-менталиста было бы затруднительно.

– Мое увольнение, – уточнил Каэль. – В этом деле, как говорят варвары, заметны кончики чьих-то длинных ушей. И обладателя их я вижу перед собой!

– Ты слишком много с ними общался и научился непочтительности! – буркнул старик и устало побрел к ближайшему предмету мебели, которым оказалась невысокая кушетка. – Но да. Ты прав. Скажи, в твоей жизни ничего не казалось несколько... странным?

– Да ну как сказать?! – вскричал Каэль, чувства которого, до того старательно сдерживаемые, рванули наружу. – Дай-ка подумать... Все! Начиная от любовной истории молодого чародея и отвергнутой кланом преступницы, ставших моими родителями, и заканчивая тем, что родной дед сломал мне тщательно выстроенную им же самим карьеру! Во имя всех богов и демонов, знал бы ты, чего мне стоило устроиться в столичный гарнизон! Чтоб ты в Бездну провалился, старый хрыч! Знаешь, каково это – терпеть за спиной шепотки и сносить косые взгляды? Знаешь, каково это – когда все считают тебя куском отбросов лишь по причине того, что мать была осуждена за запретную магию, а отец, наплевав на добрую половину традиций, не отрекся от невесты и взял ее в свой дом наложницей, которую, впрочем, так и не решился назвать женой?!

– Не кричи! – тихо, но очень убедительно попросил маг. – Да, любовь моего единственного сына... наделала глупостей. Много. Но в том, в чем ее обвинили, она виновата не была. А церемонию бракосочетания своей властью запретил я, если это тебя так волнует. Сначала надеялся, что отпрыск найдет другую спутницу жизни, а потом... потом осталось только воспитывать внука и искать виновных в гибели его родителей. Но я говорил не о том. Тебя не удивляет, что, несмотря на происхождение, ты смог поступить сначала в Зеленую стражу, а затем перевестись в столичный гарнизон, где намеревался делать карьеру?

– Чей я потомок, знали многие, – пожал плечами Каэль. – Да и потом, после тренировок под руководством чародея, разменявшего восьмую сотню лет, даже самый строгий наставник новобранцев выглядит неопасным и симпатичным, как бешеный волк или саблезубый тигр, например.

– Ну, может, я и был иногда излишне требователен, – с явной неохотой признал магистр магии, – но даже с такой подготовкой сына преступницы не приняли бы в ряды воинов... не окажи ему поддержку некое высокопоставленное лицо.

– А потом это самое лицо сделало так, что сына преступницы вышвырнули оттуда с треском, – зло бросил Каэль. – Да, я знаю, что все твои попытки официально закрепить наше родство провалились. Лорды-жрецы были против. Но... но так-то зачем?!

– Лучше я, чем другие, – развел руками старый эльф. – Наш сюзерен Висфоэль, да будут милостивы к нему предки, погибший незадолго до твоего третьего совершеннолетия, когда можно было совершить нужные ритуалы, хорошо относился ко мне. А вот его сын не желает знать старика, который когда-то давал ему уроки чародейства с применением... несколько грубых методов для лучшего усвоения материала. Еще два правителя не хотят вызывать его неудовольствие по столь ничтожному поводу. Мое же время уходит. Скоро оно закончится совсем. И тогда многие из тех, кому пришлось перейти дорогу нашему роду, вспомнят об одном из лишенных защиты его представителей. Другим родичам ты безразличен. В лучшем случае.

– Что ты имеешь в виду? – От удивления Каэль забыл об обиде, кипевшей в его душе раскаленной лавой и так и норовившей выплеснуться жгучими и, самое главное, обоснованными словами наружу.

– Я стар, – пожал плечами чародей. – И я не архимаг, что мог бы попытаться обмануть смерть. С каждым днем мне все труднее оставаться среди живых. До того момента, как ты

лишишься единственной защиты, совсем недолго, и раз уж мой внук так и не успел обезопасить себя собственными достижениями, дело взял в свои руки его дед.

Молодой эльф обескураженно молчал. Мысль о том, что суровый воспитатель, заменивший ему родителей, не вечен, была... странной. Она не желала укладываться в сознании.

– Я знаю, ты давно хочешь покинуть пределы нашей страны, – продолжал магистр магии. – И лишь надежность пограничных кордонов и наложенных при вступлении на службу клятв, которую ты знаешь лучше многих других, останавливает тебя от этого шага. Но есть и официальные способы покинуть государство. Владыкам нужны... шпионы. И ты станешь одним из них. О том, что на эту роль в ближайшем времени не подойдет никто другой, я позаботился, на это моего влияния хватило. По идее, наши родственные узы должны служить гарантом твоей верности, ведь спастись от магии крови почти невозможно. Но других близких живых родичей, кроме дряхлого старика, стоящего одной ногой в могиле, у тебя нет, а потому, убравшись подальше от границ, можешь послать полученные приказы к демонам. А можешь и не посылать: верного слугу вознаградят. Вернуться в Лес не бесправным парией, правда, все равно вряд ли получится, но будешь пожизненно обеспечен денежной и очень опасной работой.

Каэль мог только открывать и закрывать рот, сраженный обрушившимися на него новостями.

– И... что мне делать, ну... потом? – растерянно спросил он у деда.

– Понятия не имею, – вздохнул маг. – Я прожил долгую жизнь, но назвать ее счастливой не могу. Постарайся сделать так, чтобы своим внукам ты не говорил подобное. Куда податься, решай сам. Среди смертных ты будешь одним из первых, но всегда чужим. А тех, кого короткоживущие расы не могут понять целиком и полностью, они рано или поздно пытаются уничтожить. Западный лес беглеца приютит, но наших шпионов, способных испортить жизнь, в нем хватает. Да и не любят там восточных сородичей после некоторых событий. Совсем недавно в далекой пустыне появился еще один Лес, образованный беглецами из какого-то дальнего мира... но... не знаю. Слухи про него ходят разные. Я даже точное название не сумел выяснить. То ли Сумеречный, то ли Новый, то ли Русский... всякое говорят.

– Как-как? – переспросил Каэль.

– Русский, – с готовностью повторил маг. – Вроде бы к этому народу принадлежит тамошняя верхушка, включая их лорда-жреца... ой, нет... короля... или вождя? Ну не знаю я, в общем, как там у них правитель называется, но имя его – Михаэль, и он вроде бы высший маг, вернее, шаман. И что-то его связывает с Келеэлем. То ли ученик он его, то ли потомок... неизвестно, но самый могущественный маг мира дал понять, что это молодое государство он будет опекать изо всех сил.

– Да, слышал от торговцев, которых сопровождал в последнем походе, похожие слухи, – признался Каэль, немного подумав и вспомнив сплетни, принесенные из-за пределов Древнего леса, до которых был, впрочем, не большой охотник. – Правда, не придавал им значения, решил, что речь идет о какой-то новой затее выжившего из ума пяти тысячелетнего архимага.

– Древнейший представитель нашего народа отнюдь не безумен, – покачал головой дед. – Просто его логика и образ мыслей сильно отличаются от привычных нам. Но тем не менее есть закономерности, которых даже он вынужден придерживаться. Высшего мага так просто не воспитать и уж тем более не проконтролировать. А Михаэль доказал, что он один из них, сначала уничтожив заклинанием, очень похожим на известную тебе по хроникам «пелену висельника», целую армию орков, а потом на равных схватившись с правителем Западного леса. Про него никто ничего не слышал и не знал до того дня, когда он во главе нескольких десятков подданных объявился в человеческих землях. А значит, шансы на то, что он обычный инструмент в руках Келеэля, ничтожно малы. Да, у них абсолютно точно союз, в котором, возможно, шаман играет подчиненную роль, но, бесспорно, является силой, с которой считаться придется любому.

– Лорды-жрецы горят желанием узнать про него как можно больше, – понимающе кивнул Каэль. – И твои слова буквально подталкивают меня к тому, чтобы помочь им в этом. Почему? Впрочем, нет, молчи, сам догадаюсь. Хочешь вымолить у них разрешение назвать меня внуком?

Магистр магии скривился.

– Не хочу уходить к предкам последним прямым потомком нашего рода, – сознался он. – В этом случае ушедшие за грань могут встретить меня... неласково. Но это не все. Тебе, после того как покинешь Древний лес, надо прочно где-то закрепиться, чтобы научиться жить во внешнем мире. Краткие вылазки во время охраны наших послов и торговцев – это все-таки не то. Единственное, что абсолютно точно удалось узнать про новый Лес и его эльфов, то, что они принимают изгнанников. Даже друу. И не ухмыляйся, я не шучу. Есть среди верхушки их государства бывшая жрица Ллос. Ее во время известного тебе инцидента с нашим покойным господином едва не прибили по ошибке, потому и слухов о ней разнеслось раза в два больше, чем о Михаэле и его землях.

– Это... необычно. – На ум молодому перворожденному пришел куда более нецензурный эпитет, но произнести его при старшем родиче, да еще, как выяснилось, умирающем, он не решился. – По крайней мере, среди тех, кто готов на такое, мои метки значения иметь точно не будут. Да и шпионов там, судя по твоей плохой информированности, действительно нет, а значит, я буду первым и довольно высокооплачиваемым. Как думаешь, если направлюсь к ним, мне выделят подъемные?

Спустя пару дней Каэль, связанный по рукам и ногам, с воем и руганью катался по мягкому песку небольшой арены, окруженный тройкой магов, двое из которых были целителями. Боль, терзавшая тело юного эльфа, сделалась невыносимой.

– Терпи, – вздохнул магистр магии, наблюдая за мучениями внука. – Срезание печатей с частью ауры – не самая приятная процедура, но пройти ее ты должен. А иначе первому встречному чародею станет ясно, что ты находишься вне пределов Древнего леса по поручению владык.

Каэль не ответил старику. Был занят. Чудом нашел в песке камешек и теперь грыз его, стараясь заглушить ощущения, вызванные потерей большого куска ауры. Но осколок пробыл в крошащихся от натуги зубах недолго, будучи выдернутым одним целителем при помощи телекинеза.

– И как только преступники такое терпят? – покачал головой второй целитель, менее опытный по причине молодости, наблюдая за мучениями Каэля и накладывая на него заклинание, призванное немного облегчить боль, убрать которую полностью без высшей магии было невозможно.

– У них же обычная клановая символика, – пожал плечами его старший коллега. – А у этого, кроме того, печати командира отряда воинов и боевого мага... были. Это если о награжденных знаках умолчать, которых данный индивидуум заработал удивительно много для низкорожжденного.

– Да, – продолжал рассуждать вслух юнец, – это понятно, шок от повреждений ауры, вызванных более слабыми травмами, вполне может быть преодолен при помощи больших доз лечебных снадобий или даже просто вина, но как они проводят ритуалы? Среди низших каст магов нет.

– Стихийные, не принятые на обучение по различным причинам, но развившие свой талант до заметного уровня самостоятельно, бывают, – поправил его магистр магии, отодвигая внука мягкой и почти ласковой песчаной волной от бортика арены, о который тот пытался биться головой. – И для первичного обезболивания обычно используется простой удар по голове, а потом бессознательное тело накачивают алхимической смесью, сделанной на основе

слабеньких реагентов противоположных стихий. Если доза угадана верно, аура начинает временно деформироваться и преступник может в это время попробовать удрать за пределы охранной магии Леса.

– А если расчеты провели неправильно? – не унимался молодой.

– При передозировке тело и аура получают множество повреждений, что ведет к смерти, а при слишком низкой концентрации эликсиров татуировки при пересечении внутренних или внешних границ исправно подают сигнал, по которому их владельцев легко отследить и догнать, – пожал плечами магистр магии. – Каэль, ты пришел в себя?

Лежащий на песке эльф, чье тело наконец перестала корезить невыносимая боль, что-то промычал в ответ. Сведенные судорогой мышцы ротового аппарата еще не вернулись в норму. Пожалуй, если бы не поддерживающая магия, Древний лес мог бы лишиться одного из новоиспеченных шпионов, умершего при снятии ввевшихся за долгие годы в его тело и душу охранных печатей, не позволявших воину и чародею не исполнять прямой приказ своих сюзеренов и сильно затруднявших даже косвенные акты неповиновения.

– М-да, кажется, мы слегка переборщили с легендой, – посмотрев на внука, признал магистр магии. – Если бы какой-нибудь идиот действительно активировал на своей шее одновременно жреческие медальоны из храмов дня и ночи, то ему ее оторвало бы.

– Ну их можно просто держать в руках, – возразил эльфийский лекарь, прежде молчавший. – Шрамы, поражение тканей энергиями и закрытые переломы сейчас организуем. Хм... может, для правдоподобия обрезать пару пальцев и дать с собой одноразовый артефакт с заклятием регенерации?

– Я... тебе... кое... что другое отрежу, – с усилием вытолкнул из пересохшего и сорванного в крике горла Каэль, ни на миг не усомнившийся в том, что чародей не шутит. – Как, по-твоему, с такими ранами через границу перейти?! Да меня первая же стая хищников растерзает!

– Ну если еще дать тебе амулет Матери зверей, то ни одно простое животное будет не страшно, – начал что-то прикидывать лекарь-маг. – В принципе лишний мы найдем, да и друид для его настройки на владельца поблизости имеется...

– А если заодно и дружину с парой тысяч подданных, так я вообще могу назваться князем в изгнании, – зло оскалился подопытный, не желавший ради обладания волшебной побрякушкой жертвовать любимыми конечностями, хоть они и должны были прийти в норму всего через месяц. – И вообще, я на допросе лучше сразу сознаюсь, что мне помогли, выдав якобы недовольного государственным строем чародея-изменника, который на самом деле жрец с трехсотлетним стажем участия в фальшивых заговорах.

– Но так неправильно. – В руках мага блеснул нож, а сам он осторожно ступил на арену. – Да не бойся ты, я обезболю. И отрежу совсем немного. Фаланги две. На мизинце. Он ведь все равно в бою не особо нужен, да?

– Только тронь, и тебе придется отращивать всю руку целиком. – Каэль задергался в веревках. Теперь, когда боль больше не терзала его разум, хорошо тренированный воин с легкостью освободился от не слишком-то умело наложенных волшебниками пут. На его раскрытой ладони воздух понемногу начал собираться в клубок, будто скрученный из тугого ветра, жаждущего вырваться на свободу и способного наградить оказавшегося на его пути как минимум шикарными синяками, а то и парой переломов. Против полноценного чародея, конечно, не очень действенное оружие, но молодой воин, не желавший подвергаться дополнительным «лечебным» процедурам, был рад и такому.

– Ладно, – погасил зарождающийся конфликт магистр магии. – Не будем усугублять. Еще немного, и Каэлю придется переучивать легенду, внося туда эпизод прорыва с боем через кордоны, а это уж точно лишнее. Вещи ты собрал?

– Разумеется. – Внук развеял заклинание, которое с некоторой натяжкой могло сойти за боевое, но с чародея, пожелавшего откромсать ему пару пальцев, настороженного взгляда не сводил. – Зачарованный кожаный доспех из родовой сокровищницы, лук и меч оттуда же, немного золота, твои артефакты... Еду оставил: добыть провиант, если есть стрелы, не проблема. Денег хотелось бы, конечно, взять больше, но ездовой волк по болотам не пройдет, а я не гном, чтобы тащить на спине собственный вес в металле, пусть даже благородном.

– Тогда отправляйся, – решил старый волшебник и, дождавшись, пока юный родич облачится в обмундирование, на голову превосходящее то, что было у него раньше, и глубоко вздохнув, напрягся и открыл врата портала. От взгляда Каэля не укрылось то, с каким трудом деду далось заклинание, а ведь точно такие же чары совсем недавно, в тот день, когда внука магистра магии уволили, давались ему легко. – Окажешься в нескольких сотнях шагов от стен последней заставы, а дальше... ну сам знаешь.

– Прощай! – Молодому эльфу неожиданно захотелось обнять деда, которого он, скорее всего, больше никогда не увидит, но это сбило бы настройки заклинания. И потом, раньше он никогда этого не делал, может, только в глубоком детстве, которого не помнит... а вот как старик его наказывал за малейшую провинность или даже вообще не пойми за что, в памяти Каэля отпечаталось превосходно.

Заклинание заставило слегка зашевелиться волосы по всему телу, и миг спустя юный перворожденный оказался на границе Древнего леса, чаще служащей надежным барьером при попытках ее пересечь в обоих направлениях. Единственным безопасным местом здесь была узенькая дорога с многочисленными кордонами, от которой могущественная магия лордов-жрецов отпугивала разнообразную хищную живность, водившуюся тут в изобилии. Причем никто не скрывал, что чудовища, заселившие непролазные дебри, выведены в массе своей искусственно и любой другой добыче предпочитают двуногую.

– Хищные деревья, колонии жуков-людоедов, стаи бабочек-кровопийц, гигантские волки и рыси, – с тяжким вздохом пробормотал Каэль, закидывая на плечо вещи. – И плюс к ним огромное болото перед людскими землями. Эх, а я так надеялся, что больше по этой клоаке бегать не буду! Столица, конечно, тоже та еще помойка, но там на улицах, по крайней мере, есть булыжные мостовые и нет комаров, за века существования бок о бок с нами приспособившихся к эльфийской магии!

Шагом, больше похожим на бег, воин-маг углубился в лес. Хищников, несмотря на отсутствие защитных амулетов, он особо не боялся, служба в Зеленой страже придала ему уверенности и позволила изучить значительную часть местного бестиария с точки зрения опасности и гастрономии. Питаться собственными запасами, которые, как ни крути, от возраста свежее не становятся, перворожденные жутко не любили, а потому ходили на охоту за дичью во много раз чаще, чем за беглецами из родного государства. А животному, когда в него тычут копьем или стрелами, абсолютно все равно, в чем там его пытается убедить своими чарами изделие друидов, инстинкты берут верх, и оно защищается, как может.

Ровное передвижение Каэля, впрочем, продолжалось недолго. Юный эльф внезапно увидел характерный след, который мог проложить лишь неисправимый горожанин, проламывающийся через кустарник, и встал на него с целеустремленностью гончей. Причем побежал он за своей нежданно-негаданно объявившейся целью с намного большей скоростью, чем можно было ожидать даже от самой лучшей собаки.

«Зачем я это делаю? – ошалело подумал воин-маг, перепрыгивая с запасом лежащее поперек тропинки бревно. То дернулось было за ним, но поняло, что все равно не успеет схватить шустрюю добычу, и осталось лежать на прежнем месте, поджидая менее стремительную жертву. Хищные деревья умели ждать. Неспособность передвигаться с места на место очень развивает терпеливость. – Ну догоню я его... нет, все-таки, наверное, их... очень уж много сле-

дов, и что дальше? На заставу тащить? Так самого стрелами запросто утыкать могут. Вдруг не станут дожидаться ответа из столицы и решат провести судебную церемонию по минимуму... Да и что еще там ответят по поводу шпиона, меньше дня как вышедшего на самостоятельную работу? Убить тех, кого догоню? Можно, конечно, но зачем? Я, даже когда служил, этим не увлекался и почти всегда давал беглецам уйти, да так в общем-то почти все делали, ведь изгнанники сами определяли свою судьбу, а смерть от руки представителей низших рас может быть куда более мучительна, чем самый суровый приговор. Попросить, чтобы приняли в команду? До этого Сумеречного леса, чем бы он там ни был на самом деле, все равно не меньше года пути, один запросто могу пропасть, а со спутниками шансы на то, что доберусь не туда, так к западным эльфам, куда выше. Вот только то, что раньше я таких, как они, ловил и казнил, написано на моем лице, причем несмыываемыми красками. Не поверят, а если поверят, первой же ночью зарежут просто за то, что натерпелись от власти, ведь от хорошей жизни из страны не бегут. И не докажешь, что сам из-за традиций и предрассудков всю жизнь страдал...»

Каэль прервал размышления, почувствовав острый аромат разлитой в воздухе крови. Причем, в этом он мог поклясться, принадлежала она не дикому зверью, сводящему счеты в извечной игре «хищник – жертва», а кому-то из народа перворожденных. Перейдя на шаг и взяв в руки меч – от лука среди тесного переплетения ветвей толку было мало, даже от эльфийского, – он осторожно приблизился к подножию гигантской, в пять охватов, сосны, у которой и разыгралась трагедия. Видимо, группа беглецов выбрала это место для привала, рассчитывая оказаться в относительной безопасности под укрытием толстых сучьев, сквозь которые их не разглядеть птицам-наблюдателям, время от времени запускаемым чародеями Зеленой стражи на облет границ.

– Гнездо лесных паучков, – задумчиво пробормотал начинающий шпион, рассматривая висящие на ветках коконы, очень похожие на тела эльфов, замерших в разных позах и укутанных с ног до головы белым шелком. – У бедняг с наступлением утра, когда эти твари выходят на охоту, не было ни шанса, они даже за оружие взяться не успели... да и нет здесь оружия. Только тряпки какие-то... яркие... полупрозрачные... надеть которые без риска навеки стать изгоем в приличном обществе могла лишь рабыня.

Каэль внимательно осмотрел разбросанные предметы и впал в состояние легкого недоумения. На траве не было ни мечей, ни копий, ни даже луков! Соваться в лесную чащу без оружия... сумасшедшие, конечно, изредка встречаются, но чтобы в одном и том же месте в одно и то же время их набралось сразу шестеро?! Разумеется, оно могло остаться на телах...

Эльф оглядел коконы в поисках подтверждения своей догадки, но ничего даже отдаленно напоминающего колюще-режущие предметы не обнаружил. Зато в копилку странностей угодил такой факт: все жертвы, попавшиеся лесным хищникам, оказались женского пола.

«Ничего не понимаю, – мелькнуло в голове воина-мага, осторожно тронувшего кончиком меча кокон, в котором из-под слоя тонкой материи что-то блестело. На траву упала вещица, сплетенная из алых шелковых полос и кованых золотых деталей, инкрустированных мелкими, но явно драгоценными камнями. Может, у женщин и существовало какое-то название для этого предмета, призванного поддерживать грудь и создавать иллюзию ее увеличения, но Каэль его не знал. Да он и видел-то такие всего пару раз на наложницах высокопоставленных столичных персон, сопровождавших своих господ во время выездов в свет. – Наверное, это все-таки можно считать нагрудником. Очень оригинальным. Во всяком случае, на спину его точно не перевесишь, потому что такие горбы никаким плащом не скрыть. Вот только откуда он здесь взялся?! Как сюда попал гарем аристократа?!»

Сильный порыв ветра колыхнул кроны деревьев, и на голову эльфа свалился лесной паучок с брюшком, раздувшимся от высосанной из своих жертв плоти. Неподвижный. Спящий. Размером всего-то в одну тридцатую ногтя. Выглядел он безобидным и в общем-то почти таким и являлся, если забыть о десятках тысяч его братьев, что сейчас мирно почивали по всей

округе, переваривая сытный завтрак, свою единственную трапезу за сутки, а то и не одни, ведь на охоту эти мелкие хищники, живущие колониями, как муравьи, выходили исключительно в часы рассвета. И как только находили добычу по вкусу, что случалось довольно скоро, парализовали ее мгновенно действующим ядом, заматывали в кокон, облегающий плотнее, чем одежда, после чего сообща втаскивали на ближайшее дерево и начинали поедать. Особым аппетитом эти существа не отличались, отдельная особь могла обойтись без пищи до месяца, да и чтобы насытиться, хватало буквально крошки, но поскольку пауков было очень много, то свежая еда нужна была почти каждый день. Впрочем, если «улов» оказывался удачным, колония не двигалась с места до тех пор, пока продовольственный запас не портился. Отравы, вырабатываемая паучьими челюстями, не убивала добычу, правда, толку от этого было немного и спасшихся насчитывались единицы. В плотно облегающих коконах, мешающих движениям грудной клетки и практически не пропускающих воздух, жертвы, которым «повезло» оказаться съеденными не сразу и не истечь кровью из множественных мелких ранок, попросту задохлись.

– Какая нелепая и страшная смерть, – вздохнул Каэль, переходя на магическое зрение, чтобы убедиться в том, что выживших нет. – Им бы еще жить да... О, сила Леса, она еще дышит!

Одна из пленниц действительно еще не попала в чертоги мертвых. Невероятно, но эльфийка, которая провела в шелковой тюрьме несколько часов, чудом умудрилась не отправиться на встречу с предками.

Инстинкты опередили разум. Раз – и срезанный воздушным лезвием кокон вместе с ветками, к которым он крепился, летит на землю. Два – и мгновенно выросшие у подножия гигантской сосны травы образуют мягкую подушку, чтобы смягчить удар. Три – и острый нож вспарывает паутинный шелк, обнажая жуткое содержимое.

«Совсем недавно эта рабыня, вероятно, была красива», – ошеломленно подумал Каэль, разглядывая жертву лесных хищников, имевшую на лице татуировки, довольно сильно похожие на его собственные. Вот только у Каэля цвета воина и мага были нанесены на черный фон, как и полагалось сыну осужденной преступницы, а у девушки яркие рисунки перечеркивала тонкая паутина неволи. Из одежды на ней имелись зеленая куртка и точно такие же штаны, смахивающие по своему покрою на охотничий костюм высокорожденных леди, в которых те изредка изволили появляться на природе. Впрочем, он был явно великоват для обладательницы и висел на ее плечах, как на манекене в мастерской портного.

– Из касты купцов, продана за долги отца для ночных услад... хм... не знаю обладателя этого символа, но, судя по соседним иероглифам, он вассал одного из личных слуг лорда-жреца Катфаэля. – Каэль прочел символы татуировок и задумался. – Такие в свой дом не станут брать дурнушку. Ну, может, только на хозяйственные работы, но никак не для... этого. Сейчас-то, понятное дело, ею и пьяный орк побрезгует. Все тело, наверняка и под одеждой – лесные пучки проникают под нее с легкостью, – распухло и пожелтело от яда в местах укусов; особенно досталось лицу, уж очень там кожа тонкая и лакомая для хищных насекомых; шевелиться, понятное дело, не может и вряд ли что-то чувствует...

– Добей, – прошептали увеличившиеся почти до карикатурных размеров губы, кожу которых, пошедшую пятнами, маскировал ярко-алый цвет не потекшей, несмотря ни на что, стойкой помады. Глаза незнакомки, с трудом разлепившей набухшие веки, впились в лезвие обнаженного меча со странной смесью ужаса, надежды и облегчения. – Больно, больно, не могу, больно...

Каэль растерялся. Взмахнуть клинком и исполнить просьбу, конечно, несложно, да и удара под парализующим ядом жертве не почувствовать... Стонать от боли и говорить, находясь под его воздействием, ей тоже, мягко говоря, сложновато. Конечно, со временем организм переварит отраву, с момента трагедии не прошло и дня! Впрочем, жертвы лесных пауч-

ков обычно долго не живут. Этой же повезло, но, судя по всему, она явно жалеет о милости высших сил к ее персоне. Так подлинно изображать агонию невозможно. Кому, как не ему, вот так же корчившемуся совсем недавно, знать об этом. Да и вообще, несмотря на ранг воина-мага, убивать молодой эльф не любил. Тем более женщин. Хотя пару раз приходилось, но то было в бою, когда беглецы сопротивлялись до последнего и бросались на преследователей, как бешеные звери, и тогда уж было не до раздумий. Или ты, или тебя. Ведь без оружия за границу Древнего леса еще никто не уходил. Никто, кроме этих юных дурочек, что стали добычей лесных хищников.

«Наверное, – решил новоявленный шпион перворожденных, – они полагались на что-то иное. Вероятнее всего, на магию, которую не успели пустить в ход против насекомых. Она же, наверное, и дала возможность выжить этой девушке. Какой-нибудь целительный амулет? Он был бы совсем не лишним... Да, бросать ее, парализованную, в лесу... как-то... неправильно. И лишать жизни очень не хочется, пусть сейчас она и думает, что ее путь окончен, но я-то знаю, что это не так. Ранки от укусов, сколь бы многочисленны они ни были, заживут в течение десяти дней, не оставив и следа. Может, взять с собой? Пара, мужчина и женщина, выглядит куда менее подозрительно, чем одинокий беглец, о какой бы расе ни шла речь».

– Ты способна говорить? – спросил Каэль и принялся творить самое мощное исцеляющее заклинание, на которое был способен. Для этого ему нужно было одной рукой касаться какого-нибудь дерева, а вторую возложить на пациента. В лесу проблемы поиска подходящей растительности не возникало. Каэлю совсем не обязательно нужен был ствол. Ветка для перекачивания чужой жизненной силы тоже годилась. Тем более дерева, под кроной которого могла укрыться маленькая армия какого-нибудь захолустного человеческого королевства. Или гномий хирд. Эти коротышки умудряются в своем боевом строю занимать на удивление мало места, что дает им большое преимущество против стрелковых атак и таранных ударов конной лавы.

Ответа молодой эльф не получил. Незнакомка как заведенная стонала и беспрестанно дергалась. Каэль, уже закончивший заклинание, рукой, в которой переливался светло-алым клубок целительной энергии, дотронулся до девушки, передавая ей забранную у дерева жизненную силу, но тут под курткой жертвы лесных паучков вдруг что-то резко дернулось. Раз, другой, третий... Создавалось полное впечатление, что меж двух грудей, обтянутых тканью, прорезалась третья и теперь ищет путь на волю.

«Какой-то паразит? – Воин-маг, боевые рефлексy которого взяли верх, осознал себя отстоящим от потенциально опасного объекта на десяток шагов, причем лечебные чары его как-то сами собой преобразились в комок испепеляющего пламени. – Но в наших лесах ничего такого не водится. Слава предкам, подобная мерзость – прерогатива исключительно южных джунглей! Но, во имя звезд, что же это?»

Непонятная «опухоль» на теле эльфийки прекратила хаотически метаться и замерла на месте, а потом дорогой костюм, наверняка зачарованный, начал расползаться, как будто на него плеснули кислотой. Странно, но девушка особых признаков недовольства этими метаморфозами не проявила. Все так же стонала от боли.

В душе Каэля тем временем боролись любопытство и желание спалить мерзкую тварь, поселившуюся в теле перворожденной. Неизвестно, что победило бы, но тут воздух огласил очень не характерный для данной местности звук.

– Мяу! – недовольно сказала кошачья голова, вынырнувшая из прорехи. Серый цвет лоснящейся шерсти разбавлял лишь аккуратный белый клин точно под нижней челюстью. Убедившись, что снаружи ничего страшного нет, наружу вылезло все туловище.

– Канамот, – опознал зверя эльф и убрал меч в ножны. – Теперь понятно, почему она выжила. Это ты ее спасла, верно?

– Пчхи, – недовольно произнесло животное и, развернувшись к воину-магу высоко задранном хвостом, стало вылизывать лицо пострадавшей. Там, где проходил шершавый язычок, желтые пятна исчезали вместе с ранками. Но с каждой каплей впитанной отравы блестящая на солнце шерсть начинала блекнуть.

«Придется помочь зверьку», – решил эльф и снова принялся начитывать исцеляющее заклинание, попутно вспоминая все, что слышал об этом существе, одном из немногих обитателей окраин Древнего леса, который, в виде исключения, не только не враждебен путникам, но и по мере сил старается оберегать все разумное, что попадется ему на глаза.

Полуживотные-полурастения, канамоты были результатом экспериментов лорда-жреца Оберэля, скончавшегося вот уже добрых полторы тысячи лет назад в клыках твари, которая должна была стать шедевром его чародейского искусства. Этот могущественный волшебник задался целью придать ездовым тиграм, древнейшим боевым животным эльфийской расы, врожденные магические свойства и потому проводил немало экспериментов. На кошках. Ибо их старшие собратья стоили так дорого, что даже один из правителей государства перворожденных не решался слишком уж радикально сокращать их поголовье смелыми опытами. Естественно, количество погибших животных измерялось тысячами, и однажды какой-то измененный чарами помет, на котором, судя по всему, отрабатывались конечные результаты, попал на помойку и там умудрился выжить и размножиться. Спросить экспериментатора, случайность это или часть хитроумного плана, оказалось нельзя. Незадолго до того, как этих измененных существ выделили в отдельную группу, его целиком, вместе с душой, сожрала жуткая тварь, в которой бывшего тигра опознали только по надписи на ошейнике, нашедшемся в глубинах покрытой мехом чешуи. В остальном же она была похожа на помесь бродячего хищного цветка-переростка и демона.

Первых канамотов, вероятно, спутали с обычными кошками, на диво дружелюбными и умными. Странно, но тогда никто не обратил внимания, что новые любимцы почти не нуждаются в еде и воротят от нее нос в девяти из десяти случаев. Оберэль был все-таки не только магом, но и правителем, он помнил, во сколько обходится еда для ездового тигра, и задумал решить вопрос капитально. Как именно, никто не знал, но исследования, проводимые уже после его смерти, вскрыли несколько любопытных фактов: оказывается, правитель-чародей каким-то образом сумел придать животным некоторые свойства растений. Под воздействием чар лорда-жреца эти существа оказались обладателями сильных эмпатических способностей, а потому не было ничего удивительного в том, что хозяева для них нашлись очень-очень быстро. И канамоты провели в их домах долгую, длиною в год или даже полтора, счастливую жизнь, за которую у тех исчезла большая часть хронических заболеваний. Метаболизм магически измененных кошек позволял объединять их ауру с аурами других существ и оказывать целительное воздействие. Фактически канамоты превратились в живые лечебные артефакты, причем далеко не самые слабые. Но все имеет свою цену. Пять из десяти котят новой породы рождались бесплодными, а самому старому их представителю, зафиксированному бесстрастными магами-исследователями, на момент естественной смерти почти исполнилось двадцать четыре месяца. А гибель обладателя эмпатического дара – тяжкий удар по окружающим. Сначала никто не понял, что происходит и почему население столицы внезапно начало чахнуть, будто его без перерыва на сон и отдых морил ковен некромантов. Грешили на какое-то мощное проклятие, эпидемию неведомой болезни и даже кару небесную... а все оказалось просто. Умирающие магически измененные кошки передавали часть своих ощущений окружающим. Расплодившихся канамотов немедленно отловили, но уничтожать не стали, решив, что существа они перспективные и надо бы их исследовать. Сколько-нибудь значимых результатов волшебники так и не получили и оставили новый вид на волю матери-природы, высадив уцелевших животных на границе окраинных лесов. Странно, но в насыщенных магией дебрях магически измененные кошки не только не вымерли, но и размножились, по-прежнему не утратив цели-

тельных и эмпатических способностей, а также привитого лордом-жрецом дружелюбия к эльфам. Зеленая стража, если среди них оказывались раненые и не было хорошего лекаря, этим даром пользовалась, но находиться рядом канамотам не позволяли и всегда прогоняли прочь. Ведь чем больше приходилось общаться с животными, тем сильнее была по тем, кого они своим недоразвитым разумом записывали в друзья и хозяева, их смерть.

Очевидно, эльфийка, впервые попавшая на природу, не прогнала прибившегося к ней под воздействием инстинктов канамота и даже позволила ему забраться на ночь под одежду, поближе к телу. Это ее и спасло во время атаки паучков. Вероятно, животное как могло отпугивало хищников, по меркам которых являлось несъедобным из-за полурастительного метаболизма, и одновременно лечило девушку, не позволив ей ни умереть от ран, ни задохнуться. Ну а когда Каэль наложил на пострадавшую лечебное заклинание, основная его часть пришлась на измученное борьбой за жизнь новообретенной хозяйки существо и придала ему сил, которое оно теперь тратило на то, чтобы исцелить эльфийку.

Глава 2

«Случалось, конечно, что шпионов казнило то же государство, которое и отправляло их выведывать чужие секреты, – философски рассуждал Каэль, рассматривая убранство одиночной камеры смертников, предназначенной для высокорожденных преступников, превосходно владеющих силой. Впрочем, из предметов мебели в каменном мешке имелась только... дверь, над которой еле светилось несколько древних символов, служащих своеобразной заменой солнцу. Сидеть или лежать заключенному предлагалось на жидкой охапке соломы. Окон не было, да оно и неудивительно: подземелье же. Именно там было удобнее всего размещать места, в которых перворожденные эльфы, овладевшие искусством волшебства на достойном уровне, лишались своих сил. То, что сюда поместили сына осужденной преступницы, можно было в некотором роде назвать даже честью и признанием заслуг. – Но чтобы это было всего через два дня после того, как я получил задание?! Да я даже из границ Древнего леса выйти не успел! Впрочем, успел бы, Зеленая стража за мной не сунулась. А все из-за Саризель, чтоб ее... не сильно мучили».

Именно так звали спасенную им девушку. История пострадавшей от лесных паучков эльфийки оказалась не менее затейливой, чем судьба самого Каэля. Впрочем, оно и понятно, жизнью от нечего делать рискуют лишь законченные придурки, а остальных к этому вынуждает суровая необходимость. Дочь торговца, вызвавшего неудовольствие высших, а потому разорившегося, она стала одной из обитательниц гарема амбициозного чародея, служившего лорду-жрецу Катфаэлю. Молодой воин-маг этого типа лично не знал, но имя где-то мельком слышал. Как оказалось, волшебник отличался громадной и в общем-то необоснованной уверенностью в своих силах. Ладно, он набрал почти десяток наложниц, в конце-то концов Каэль, возможно, поступил бы так же, но вот злостное пренебрежение осторожностью недавно вскрыло следы не особо тщательно замаскированной интриги, ведущие к хозяину Саризель. Несколько дней назад вассал получил от своего сюзерена два щедрых дара: погребальную маску и ритуальный кинжал для самоубийства. Нарушить традицию и «не понять» волю господина, конечно, было можно, но нарушители, как правило, выигрывали всего несколько дней и уходили в мир мертвых с позором, а потому ошарашенный известием о близкой гибели чародей начал готовиться к переселению на тот свет, причем по самому древнему из известных обычаев, то ли выгадывая время и надеясь на прощение, то ли планируя план бегства. Что именно задумал хозяин, ни Саризель, ни другие девушки не знали, зато, когда одна из них случайно услышала про подготовленные в усыпальнице места для слуг повелителя, понять, для кого именно они предназначены, наложницы смогли моментально.

На импровизированном совете, который был собран наиболее трезвомыслящими рабынями, женский ум, явление, по мнению некоторых эльфов, в природе не встречающееся, постановил бежать. И не просто из особняка чародея, а желательно из страны. Средство для этого вроде как имелось. В одной из лабораторий уже не первую сотню лет находился односторонний портал, позволяющий мгновенно переместиться на дальнейшее расстояние, и сразу две из потенциальных покойниц, немного знакомые с магией еще по прежней свободной жизни, вызвались его активировать.

Дальше обитательницы гарема сработали с такой четкостью, о которой подчиненные Каэля, когда они у него были, разумеется, могли, пожалуй, лишь мечтать. Под покровом ночи выйти из алькова, где они должны были безропотно дожидаться своей судьбы, удалось легко. Сама обитель прекрасных дев ничем, кроме магии, не охранялась, а способы ее обмануть эльфийкам давно стали известны. Ибо ученики волшебника были мужчины, едва ли не более несвободные в своих действиях и передвижениях вне жилища наставника, чем его наложницы, а десять прелестниц так скучали...

У дверей лаборатории нес вахту одинокий стражник. Заслышав в соседнем коридоре подозрительный шум, который все нарастал и никак не думал прекращаться, он, на свою беду, решил проверить, в чем дело. Зрелище двух увлеченно целующихся, почти раздетых девушек так захватило воина, что удавку, наброшенную сзади и крепко затянутую на шее несколькими парами рук, он заметил слишком поздно. Если верить рассказу Саризель, сложнее всего оказалось не перестараться и не задушить охранника до смерти. Сделай они это, и его кончина мгновенно активировала бы тревогу по всему зданию, превратив побег в недостижимую мечту. Амулет стражника позволил эльфийкам без помех отворить охраняемые им двери и проникнуть в лабораторию. А уж оттуда они, потратив некоторое количество нервов и сил и порядочно разграбив рабочее место хозяина, перенеслись в пограничный лес. Хотели бы, конечно, куда-нибудь еще, но не смогли добиться этого от почти разумной паутины заклинаний, являющейся порталом. Без оружия и припасов, ну если не считать того, что сняли с незадачливого охранника и нашли перед самым отбытием в помещении, предназначенном для экспериментов и опытов.

Как полагала Саризель, им невообразимо повезло: они шли по пропитанной древней магией местности почти половину ночи и ни на кого не напоролась, кроме стаи канамотов, одного из которых она на всякий случай прихватила с собой как замену отсутствующим лечебным снадобьям. Впрочем, у Каэля на этот счет было другое мнение. Эманации, оставшиеся на эльфийках после прохождения портала, прекрасно улавливались большинством местных существ, а они знали лишь один вид перворожденных, фونهاющих магией и гуляющих отрядами. Зеленую стражу. А потому при приближении девушек, испытывающих катастрофическую нехватку не то что оружия, но даже и одежды, жуткие монстры, имеющие в своих черепах достаточно мозгов, убегали куда подальше, так как раньше видели от подобной «добычи» лишь зачарованные стрелы и волшебные клинки. Но ничто не могло продолжаться вечно. Беглых рабынь угораздило с рассветом остановиться на отдых в охотничьих угодьях лесных паучков. И, как результат, выжила только одна. Да и то ненадолго бы, если бы не помощь со стороны.

«Сложно сказать, что именно уловили чародеи Зеленой стражи, – решил для себя Каэль. – Может, отзвук моих целительных заклинаний, может, эманации открывшегося портала. Тут не угадаешь, а спрашивать бесполезно. Когда я, увидев летящую мне в глаз стрелу и испепелив ее, рефлекторно награбил лучника ударом молнии, возможность мирного урегулирования конфликта исчезла. Впрочем, она и так была невелика. Беглецов для показательной казни берут живыми примерно в трети случаев, а в остальных уничтожают на месте. А что я вроде как шпион, на мне не написано, а словам, не подтвержденным печатью священных татуировок, в Древнем лесу, увы, веры нет».

Воин-маг погрузился в воспоминания о короткой, но яростной стычке, ставшей, скорее всего, последней в его жизни.

Отряд, наткнувшийся на них с Саризель, был беспечен и не ожидал встретить хорошо обученного чародея, за что и поплатился. Его предводитель, с которым, по идее, Каэль должен был находиться в примерно одинаковой категории, ограничился тем, что перед боем укрыл своих бойцов волшебной пеленой, отвлекающей внимание на разные малозначительные мелочи, вроде шороха листвы или колышущейся под ветром травы. Против каких-нибудь людей или даже не обученных ратному делу эльфов мера, может, и действенная – солдат не увидели бы, пока те не подошли на расстояние вытянутой руки, Саризель, к примеру, наверняка так их и не обнаружила, – но вот против знающего волшебника такая защита помогала не больше, чем похмельный перегар против голодного упыря.

Молодой воин-маг мгновенно определил, где скрываются окружившие его враги, и раньше, чем те успели осознать, на какую зубастую добычу нарвались, дважды хлестнул их быстро сотворенным водным бичом, смахнув голову с плеч одному лучнику и ранив воина,

державшего в руках сеть для поимки беглецов. Конечно, лучше бы было вывести из строя кого-то с более серьезным оружием, но слишком уж удобно тот стоял, и Каэль не удержался.

Предводитель Зеленой стражи, поняв, что нарвался на чародея, впал в другую крайность и, вместо того чтобы защитить своих солдат, которые благодаря численному преимуществу могли быстро покрошить одинокого волшебника, устроил полноценную магическую дуэль. И, надо сказать, у него были все шансы выйти из нее победителем. Каэль еле-еле удерживал щит, прикрывший его и Саризель от буйства магических энергий, даже не помышляя о контратаке. Судя по всему, их угораздило нарваться на выходца из какого-то старшего рода, пошедшего на службу ради того, чтобы потом с легкостью очаровывать светских львиц байками о трудностях и опасностях настоящих битв с преступниками, которые, разумеется, все как один отчаянные головорезы. Некоторый недостаток опыта, благодаря которому защита новоявленного шпиона Древнего леса еще держалась, он с лихвой искупал недюжинной магической силой и несомненным талантом. Единственным светлым пятном в ситуации было то, что атак обычным оружием бояться не приходилось. Пробриться сквозь танец огня, льда, молний и ядовитых колючек, немедленно окруживших пару, стремящуюся покинуть страну, не смогла бы ни простая, ни зачарованная стрела, а достать Каэля мечом было по плечу лишь настоящему мастеру.

Наверное, они с Саризель все же погибли бы, раздавленные силой вражеского мага, но тут канамот, которому, видимо, так понравилось на груди эльфийки, записанной им в хозяйки, что он решил там остаться и даже сумел с помощью природной эмпатии убедить девушку не вытряхивать его оттуда, все-таки выбрался наружу и мгновенно вычленил виновников того, что существа, которых почти разумное кошкообразное уже привыкло считать своими, порядочно напуганы.

– Мяу! – громко и веско сказал наследник экспериментов древнего лорда-жреца. Вернее, наследница, как установил Каэль, осмотревший магически измененное животное сразу после того, как закончил лечить его хозяйку. Одновременно со звуком, вырвавшимся из широко распахнутой пасти на симпатичной усатой мордочке, по блестящей и переливающейся в ярком свете серой шерсти от хвоста к голове пробежала волна, оставляющая после себя невзрачный серый мех, похожий на паклю.

Каэль успокоился. Мир вздрогнул и стал каким-то не таким. На воина-мага снизошло то состояние, которое зовется вдохновением, и он ощутил себя равным архимагу. Пусть не по доступной силе и знаниям, но хотя бы по искусству управлять тем, что имеется. Провести между шквалом мощной, но удивительно примитивной боевой магии, которую командир Зеленой стражи обрушил на него и Саризель, заклятие, заставившее перевитую корнями землю выметнуть из себя каменный шип, пробивший грудь аристократа навывлет, оказалось на удивление легко. Странно, как это он раньше не увидел такую возможность?

Эльф старшего рода остается прирожденным волшебником, даже если умирает. А уж если он этого делать не хочет, то изобретательность и талант чародея, чующего приближающуюся смерть, возрастают в этот момент на порядок. Впрочем, пограничнику не потребовалось ни то ни другое, чтобы, оседая на землю с пробитыми легкими и, возможно, сердцем, схватиться рукой за медальон у себя на шее. Судя по всему, это было нечто вроде маячка, призванного в случае неприятностей спасти благородного, телепортировав прямо к нему тревожную группу, которая во всеоружии бдела где-то в родовом гнезде аристократа, дожидаясь прихода сменщиков или подобного призыва о помощи, отправить который могла только очень важная персона. Вне Древнего леса эта магия не действовала, но вот в его пределах переоценивший свои силы представитель знати всегда мог рассчитывать на подмогу. Если, конечно, его род был достаточно богат и знатен, чтобы спасти своих отпрысков подобным образом.

Немедленно открылся портал, из которого высыпались воины, клановую символику которых Каэль разглядеть не успел, потому как его ударили чудовищной мощи чары усыпления,

преодолеть которые юный чародей, чье образование, сказать по правде, оставляло желать лучшего, не смог даже под воздействием навеянного канамотом благословения.

Очнулся он в тесной камере, символы над дверью которой ясно давали понять, что надеяться на спасение поздно. Вырваться из помещения, предназначенного для магов-смертников, смог бы только лорд-жрец, да и то, наверное, не сразу.

«Интересно, как там Саризель? – подумал эльф, начав мерить свое узилище шагами, чтобы не замерзнуть. Два шага в одну сторону, два – в другую. Больше не позволяли стены. А прыгать на месте не давал потолок, в одном из углов в прямом смысле слова царапавший макушку. – Впрочем, вряд ли ей грозит что-то большее, чем отправка на арену к священным волкам. А вот мне, чувствую, придется сильно пожалеть о том, что не дал высокородному просто себя поджарить. И еще очень волнует вопрос, скоро ли обед и будут ли кормить вообще. Живот бурчит так, словно последний раз ему случилось отведать пищи в прошлом месяце. Хорошо хоть, противоположная потребность не дает о себе знать, ведь в этом каменном мешке нет ни единой дырки...»

До ушей Каэля донесся заставивший его насторожиться звук. Он отдаленно напоминал раскат грома. Но какая, скажите на милость, гроза в подземелье?! За первым раскатом последовали второй, третий, четвертый... Они то сотрясали внутренности тюрьмы, позволяя пленнику прочувствовать голыми ступнями вибрацию каменного пола, то были едва слышны тренированному уху бывшего пограничника. На двадцать седьмом Каэль решил бросить подсчет, занявшись куда более важным делом: построением гипотез о том, что именно происходит и чем это грозит ему лично. Впрочем, ответ на первый вопрос отсеченный от магии эльф искал лишь ничтожную долю мгновения. Ничем иным, кроме боевой магии, пущенные в ход силы быть не могли.

«Это не дедушка, – решил узник, когда при очередном раскате грома, будто бы ставшего ближе, ему на голову обрушились клубы то ли песка, то ли пыли. – Он, конечно, могущественный и древний чародей, но все же не лорд-жрец и даже не архимаг. А я готов поставить меч работы древних мастеров против каменного топора гоблинов, что тюрьму разносит вдребезги именно повелитель сил. Или хорошо подготовленная диверсионная группа боевых магов. Но последнее вряд ли. Если охрана тюрьмы не смогла использовать ауру этого места, чтобы подавить активное волшебство нападавших, то последние в мастерстве владения силами должны на голову превосходить сложнейшую и почти разумную систему заклятий».

Неожиданно раскаты стихли, и Каэль замер в опасливом ожидании. Надежда, будто бы сама по себе зародившаяся в его душе, затрепетала, как пламя свечи на ветру. Ведь нападение на тюрьму может и не означать спасения лично для него. И остается только гадать, какую изошренную и извращенную смерть придумают для узников выжившие тюремщики или те, кто придет им на смену. Наплевав на холод зачарованного камня, заставивший бы в считанные мгновения продрогнуть до костей даже мертвеца, эльф приник к двери остроконечным ухом, вслушиваясь в звуки, царящие в коридорах узилища.

Снаружи его темницы творилось что-то непонятное. Перворожденные обычно ходят настолько тихо, что большинство иных рас не может расслышать их шагов за грохотом собственного сердца. Даже тренированный воин, служивший пограничником, не услышал бы своих тюремщиков, не начни они возиться с замком. Ну при условии конечно же отсутствия на них полного комплекта латных доспехов. В подземелье же кто-то шагал грузно и размеренно, клацая по твердому полу когтями и волоча за собой что-то тяжелое, издающее при соприкосновении с камнем едва ощутимый скрежет. И еще чуткое ухо жителя Древнего леса уловило очень страшный для себя звук. Шуршание, подобное тому, которое издает змея, извиваясь своим чешуйчатым телом, только куда более громкое. Источником этого звука могло быть только одно существо – пещерный дракон, чей род давно и прочно союзничал на взаимовыгодной основе с расой темных эльфов.

«Чего здесь забыли дроу и почему они тащат с собой какого-то демона?» – подумал Каэль, попробовав представить изменения в своей судьбе, которые непременно произойдут, стоит узнику попасть в лапы этих жестоких фанатиков, сделавших кровавые жертвоприношения обязательной частью культуры. Особых различий между вариантом, в котором он попадает к ним в лапы или остается там, где есть, юный маг, впрочем, не обнаружил. Сначала мучительная смерть, потом далеко не радостное посмертие. Лорды-жрецы, конечно, всеблаг и всемилостивы, однако по стране упорно ходили слухи, что души преступников, погибающих на аренах или плахах, вынуждены искупать грехи, которые натворили при жизни. А дыма без огня, как известно, не бывает.

Скрежет открываемой неподалеку тяжелой каменной двери заставил Каэля и расстроиться от разочарования, и едва не взвыть от радости. Страшные пришельцы забрали не его! С одной стороны, исчезла даже призрачная надежда, с другой – путешествие в мир мертвых ненадолго откладывалось. Но тут снова раздался прежний звук. И снова. Те, кто напал на тюрьму, старательно обходили все камеры подряд, видимо решив не оставлять после себя никого и ничего. Впрочем, кажется, пока темным эльфам (или кто там клал когтями в коридоре) не особенно везло в плане добычи, поскольку никаких других звуков слышно не было. Видимо, преступников-магов в подземелье насчитывалось маловато. Каэль не исключал, что в настоящий момент он такой вообще один.

Довольно быстро очередь приближалась к его камере. Первый раз напавшим на тюрьму улыбнулась удача наткнуться на кого-то, когда они находились в двух шагах от занимаемого воином-магом узилища.

– На носилки его! – Команда была отдана, несомненно, эльфом, слишком мелодичен и певуч был голос для представителя иной расы, но почему-то на всеобщем языке.

«Наверное, дроу притащили с собой наемников или рабов, которые не владеют темным наречием», – решил Каэль и приготовился ринуться на врага. Иллюзий о возможной победе он, будучи опытным воином, не питал, но намеревался хотя бы умереть в битве с честью. Для себя он твердо решил, что очень постарается не дожить до пыток.

Едва только каменная дверь, закрывающая вход в его камеру, отодвинулась в сторону, эльф бросился вперед в самоубийственном рывке и, ободрав о косяк правый бок, с размаху врезался в нечто твердое и чешуйчатое, которое, прежде чем оно сжалось вокруг него неимоверно прочным кольцом, успел два раза ударить кулаком и даже пнуть. Будь преграда чуть более податливой, Каэль ее и укусить бы попытался, но грызть твердые щитки размером с ладонь эльф все же не стал, решив отправиться на тот свет более приличествующим образом, чем сломав все зубы о непробиваемую броню и кончившись на месте от боли.

– Гляди, какой живчик! – неприятно удивился кто-то голосом перворожденного, но по-прежнему на всеобщем. – Шарик, а ну не смей его кусать! Нельзя, сказал! Фу-фу, закрой свою хваталку! Вот прорва ненасытная, тебя же сегодня кормили!

Над головой Каэля с громким хлопком стукнулись зубы пещерного дракона, в объятия которого и угодил молодой эльф. Вернее, чудовище, настолько огромное, что по коридору было вынуждено, скорее, ползти, чем идти, сжимало добычу обеими лапами, в которые эта самая добыча буквально выпрыгнула из открытой монстром двери. Изогнув шею под, казалось бы, невозможным углом, дракон нависал своей страшной мордой над беспомощной жертвой. И если бы не командный окрик, остановивший разумного ящера, осужденный на смерть преступник уже был бы на пути к его желудку. Целиком или, возможно, частями. Этот вопрос оставался на усмотрение вкусовых пристрастий данного экземпляра гордой и могущественной расы повелителей неба, которой все остальные народы регулярно желали скорейшего вымирания.

Тот же, кто отдал приказ чудовищу, был, вне сомнения, перворожденным. Но очень странным. Черная одежда необычного покроя, довольно плотно обтягивающая тело, могла

на несколько секунд ввести невнимательного наблюдателя в заблуждение, заставив принять напавшего на тюрьму за дроу, но узкая прорезь в капюшоне, открывающая глаза и чуть-чуть лицо, выдавала в нем самого натурального эльфа. Только почему-то размером с маленького тролля. Вернувшись к Каэлю после выхода из каменного мешка магия позволила разглядеть не только физическое тело незнакомца, но и его ауру, выдававшую пусть слабенького, но чародея. А воинские инстинкты растерявшейся от неожиданности добычи дракона мгновенно сконцентрировали взор на нелепом на первый взгляд нагромождении тонких металлических штырей, крепко сжимаемых необычным волшебником в руках. Оно слегка дымилось, и от него несло какими-то резкими запахами, свойственными, скорее, мастерской алхимика, чем боевому оружию.

«М-да, – задумался Каэль, рассматривая своего то ли спасителя, то ли убийцу. – Хотел пойти к сумеречным эльфам, но, кажется, сумеречные эльфы сами пришли ко мне».

– Ты меня понимаешь? – перешел на диалект Западного леса странный чужак.

– Вполне, – ответил воин-маг на похожем языке. Речь жителей Древнего леса и бунтарей, которые основали собственное государство тысячи лет назад, конечно, отличалась друг от друга, но не сказать, чтобы слишком.

– Если отпустим, глупости делать будешь?

Каэль, задрав голову вверх, посмотрел на пещерного дракона. Тот взирал на хрупкое тело, заключенное в стальные тиски его лап, с некоторым интересом, который то ли приступивший к исполнению своих обязанностей, то ли уже бывший шпион расценил как плотоядный. Справиться с таким существом в одиночку мог разве что мастер меча или архимаг. Ну или засевший в засаде расчет катапульты, при условии, конечно, что сможет замаскировать громадную неуклюжую конструкцию, размерами несильно уступающую ящере. А ведь где-то рядом еще и тот, кто громко клацал когтями.

– Нет.

– Это правильно, – кивнул эльф-гигант. – Зачем нам лишние трупы? Мы не для того напали, чтобы дракона покормить. Шарик, да отпусти ты его!

Дракон медленно и с видимой неохотой разжал лапы, и Каэль, получив возможность свободно двигаться, немедленно упал. Кажется, он определенно не нравился разумному ящере. Или, наоборот, нравился. В гастрономическом плане.

– Драться можешь? – Вопрос, раздавшийся, казалось, из-под потолка, заставил воина-мага мгновенно переключить внимание. Некто, выглядевший на первый взгляд как клуб дыма, невесть каким чудом забившийся в подземелье, а на второй – оказавшийся вторым эльфом в черной одежде, висел на стене в позе мухи и, видимо, никаких неудобств от данного способа времяпрепровождения не испытывал. Его окутывал странный, до рези в глазах, саван из питанных силой теней. Каэлю он живо напомнил дроу с их излюбленной тактикой удара в спину из засады.

– Если надо, – осторожно ответил бывший стражник, не рискуя, впрочем, пока подниматься с пола. – А вы кто? И чего здесь делаете?

– Про сумеречных эльфов, надеюсь, слышал? – уточнил тот, кто висел под потолком. – Вот мы – они и есть. Наносим визит вежливости дальним родичам. Хочешь, можешь пойти с нами. Жить в пустыне трудно, но интересно.

– Я сейчас и на царство мертвых соглашусь, – не покривил душой Каэль.

– Надеюсь, туда мне еще раз попасть не доведется, но мало ли, – пожал плечами эльф-гигант, заставив воина-мага судорожно сглотнуть и припомнить все известные ему страшные слухи, ходившие о высшей нежити. – Шиноби, парень вроде вполне адекватный.

– Согласен, Рустам, – отозвался его напарник. – И даже на ногах сам стоит, а, как нас уверили языки из местных, в этом отнорке сидят те, кому в спину бить резона нет, ибо свои все равно прикончат. Ладно, вставай, проклятьем заклеянный, хватит корчить из себя жертву

концлагеря. Возьми на гравипаровозике какую-нибудь железяку и будь готов прикрыть наш передвижной госпиталь от неприятностей. Мих, конечно, говорил, что перекрыл сюда дорогу, но мало ли.

– Где? – не понял эльф, сбитый с толку странными словами, но тут дракон, сделавшись уже едва ли не вдвое, прополз мимо, заставив его вжаться в стену, и начал взламывать следующую камеру, а тюремный коридор, ранее перекрытый чешуйчатой тушей, стал обозримым вместе с тем, что в нем находилось.

Вытянутое в длину транспортное средство светлого дерева парило в воздухе, подобно дискам дреу, и даже несло на себе несколько девушек, облаченных в доспехи, но на этом сходство заканчивалось. Во-первых, форма необычного транспорта была прямоугольной, во-вторых, под его днищем ясно виднелись широкие колеса, которые, очевидно, могли с легкостью катиться по песку или болоту, а в-третьих, диковинный предмет тянул за собой на обманчиво тонкой цепочке из синего металла ну вовсе уж странную волокушу. Телега, к которой какой-то сумасшедший некромант приделал несколько пар костяных ног, бодро маршировала, издавая звуки, которые эльф принял за клцанье когтей. Источником же противного скрежета была здоровенная каменная тумба стационарного портала, которую невообразимое творение лишившегося рассудка мага тащило за собой, крепко вцепившись десятками мертвых рук, приделанных к его заднику, в твердую скалу, пронизанную энергетическими потоками.

Самыми обычными в чудовищной конструкции были ее пассажиры. В них Каэль без труда распознал товарищей по несчастью – узников. По обтрепанной одежде, запаху давно не мытых тел, истощению, приведшему некоторых к неспособности стоять, и лихорадочному блеску в глазах, наверное, точно такому же, как тот, что полыхал в очах самого бывшего обитателя камеры смертников. И еще у них было оружие. Сваленные кое-как в кучу клинки и копья стражников с покрытыми кровью рукоятями и чистыми лезвиями не оставляли сомнений в том, какая именно судьба постигла их прежних хозяев.

Но не успел Каэль подобрать себе меч или что-то подобное, как в коридорах тюрьмы раздался безумный хохот, сопровождающийся злым ревом дракона. Молнией развернувшись к новой угрозе и призвав магию, окутавшую его пальцы грозowymi разрядами, Каэль увидел, как громадное, плюющееся кислотой, проедающее камни, чудовище буквально сносит с лап живая плоть, бурлящая, смеющаяся тысячами кроваво-алых ртов.

– Таран тьмы! – завопил эльф, висящий на стене, и тени, окутывающие его, немедленно устремились вперед все без остатка, сорвав с ящера жуткую и извращенную пародию на нормальную жизнь и отбросив ее дальше в глубь коридора. Казалось, что трепыхающееся нечто прижали к камням силуэты, выделяющиеся черным пятном даже на фоне темноты. Только сейчас воин-маг понял, что это. Шиноби был окутан настоящим коконом из духов или, быть может, призраков, которые, очевидно, служили ему одновременно и защитой, и оружием. – Чего вы стоите? Жгите его!

Последнюю фразу он издал уже на полпути к полу, на который и упал с глухим стуком, сопровождаемым сдавленным орочьим ругательством. Видимо, магия, удерживающая сумеречного эльфа на стене, внезапно исчезла.

– Давайте, девочки! – скомандовала одна из воительниц, устроившихся на летающем артефакте, и два выступа по бокам, которые бывший узник поначалу принял за декоративные ступеньки причудливой формы, извергли из себя потоки пламени. Огненные струи прочертили между тварью и ошалело мотающим рогатой башкой ящером дорожку, в которой, казалось, плавился даже камень, отсекали выбравшемуся из камеры монстру путь в глубины тюрьмы и только потом накинудись на чудовище.

– Нет! Нет! Только не снова! – завопили на эльфийском языке тысячи исходящих чадным вонючим дымом зубастых пастей на груди плоти. Беспорядочно замолотили в воздухе

щупальца монстра, на глазах покрывающиеся чешуйчатой броней и какими-то зазубренными крючьями. – Не хочу!

Паре щупалец удалось стряхнуть с себя духов, и они, раскрыв моментально образовавшиеся на них рты, начали плевать в сторону летающей повозки десятками длинных, тонких и на вид даже острых костяных игл. Но воздух перед воительницами пошел рябью, и на ситуацию в подземелье как будто глянуло чье-то лицо, черты которого различить оказалось неизмеримо сложно. В этой-то нематериальной физиономии и застряли необычные метательные снаряды.

– Так, – голос, напоминающий рокот грозы, прокатился по коридору, – и тут монстры!

Вырвавшаяся из губ, свитых струями ветра, молния поразила беснующуюся тварь, окутав ее мелкой сеткой синих искр. Для чудовища удар оказался роковым, и оно, взыв на прощание особо пронзительно, растеклось озером слизи, в центре которого полыхал разноцветьем медленно растворяющийся в омерзительной субстанции, но все еще шевелящийся скелет.

– Дела... – задумчиво пробормотало гигантское лицо. – Я думал, это что-то вроде шоггота, а оказалось, просто слабенький маг хаоса.

– Слабенький?! – поперхнулся эльф-гигант. – Мих, да он нам чуть дракона не сожрал!

– Полноценный посвященный этой странной силы мог бы закусить даже камнями, его окружавшими. – Призрачное лицо начало развеиваться. – Поторапливайтесь! Почти все представляющее ценность в этой тюрьме уже отправилось к нам в пустыню. Вы да Кайлана, что грабит какую-то подпольную лабораторию, выводящую мутантов, последние. Мы и так возмемся здесь непозволительно долго, еще чуть-чуть – и лорды-жрецы притопают узнать, что за переполох мы устроили. А я один всем троим накостылять точно не сумею.

Это требование придало прыти в осмотре оставшихся на этаже камер, впрочем не увенчавшемся результатами. Каменные мешки пустовали, и только в одном обнаружился прикопанный к стене скелет. Его Шиноби моментально разобрал по косточкам, которые распихал по несколько штук каждому эльфу, не исключая бывших узников, велел им внимательно следить за подозрительными предметами и, в случае чего, сразу сообщать об опасности. Не приходилось сомневаться, что после стычки с жутким монстром это приказание будет выполнено с большой охотой, и просто удивительно, как не случилось ни одной ложной тревоги.

Каэлю досталась левая лопатка, палец с ноги и место в хвосте очереди, уходящей в портал.

«Интересно, – думал он, продвигаясь шаг за шагом в сторону черного камня тумбы, телепортирующей в обитель сумеречных эльфов, – а Саризель они тоже забрали? И как она выглядит без следов от укусов лесных паучков?»

Краткий миг в глазах воина-мага плясала взбесившаяся радуга, а уши различали одновременно и шепот, и крик, который ни одно существо смертного мира издать не может, и вот он уже стоит под солнцем, от палящих лучей которого немедленно захотелось куда-нибудь спрятаться.

– Никогда не был в пустыне, – пробормотал Каэль, осматриваясь по сторонам. – Зелени действительно мало, но думал, ее тут вообще не будет.

Ноги бывшего пограничника утопали в песке, не зная трав, но всего в десятке шагов от него из своеобразной грядки росла настоящая, пусть и достаточно редкая, стена толстых круглых стеблей с четко выраженными междоузлиями. Тонкие длинные листья, напоминающие то ли наконечники копий, то ли кинжалы, уныло опустились вниз и едва колыхались на слабом ветру. За растениями просматривались контуры каких-то строений и таких же зеленых преград.

– Ты посреди парка стоишь, придурок, – хмыкнул сзади высокий женский голос.

Эльф развернулся и, осознав, что именно видят его глаза, ударил. Молния, любимейшее и наиболее мощное заклятие бывшего пограничника Древнего леса, коснулась черной как ночь кожи друу и стекла с нее, словно вода, впитавшись в песок.

– Очередной придурок, – констатировала представительница жестокой и злой ветви народа перворожденных, взмахнув хлыстом, который сжимала в руке.

Очнулся Каэль в каком-то помещении, живо напомнившем ему камеру смертников: окон нет, со всех сторон темный камень, единственный свет от рун. Вот разве что лежал он не на охапке соломы, полуистлевшей от натиска беспощадного времени, а на довольно мягкой кровати. Очень болела голова, а перед глазами до сих пор стоял перепачканный в крови грузик, который, как живой, метнулся за пытающимся увернуться эльфом и ткнул его куда-то в лоб.

«Хорошо хоть, жив остался, – порадовался про себя Каэль. – Поклонница паучихи своим оружием могла череп вдрызг разнести».

Молодой эльф вздрогнул, когда откуда-то справа на его мысли ответили:

– Да ничего тебе особо не грозило. Кайлана, хоть и порядочная стерва, себя очень любит, а убивать за рефлекторные попытки нападения я ей давно запретил.

– Кто ты? – Каэль попробовал сесть лицом к говорившему, но закружившийся, будто щепка в водовороте, потолок заставил воина-мага опрокинуться обратно на подушку и лишь повернуть к соседу по палате, а ничем иным это помещение быть не могло, голову.

– Я? – изумился эльф, выглядевший едва ли старше самого бывшего пограничника. – Ах да, нас же не познакомили. И даже портретов тебе моих не показывали, хотя, по идее, должны были. Я начальник всего этого детского сада, который расположен вокруг. Михаэль, можно Мих, не обижусь.

«Вычислили! – вспыхнула в голове запаниковавшего Каэля предательская мысль. Тут же воин-маг сообразил, что она стала известна лежащему на расстоянии вытянутой руки от него высшему магу, и приготовился как минимум к испелению. – Надо думать... Нет, не думать! Вообще ни о чем! А то как бы живым к демонам не провалиться!»

– Да расслабься, – хохотнул правитель сумеречных эльфов. – Во-первых, тебя уволили с непочетной, но, возможно, денежной работы шпиона раньше, чем ты успел к ней приступить, а во-вторых, думать можешь все что угодно, не заморачиваясь вопросами этикета и приличий. Это не запрещается. Знали бы окружающие, какие идейки в моей ушастой голове иногда про скальзывают, давно бы или прибили, или сбегали куда подальше. Вот высказывать нелицеприятные мысли вслух настоятельно не рекомендую. Не то чтобы это сильно беспокоит, но не хочу создавать прецедент. Ну и, в-третьих, магистр Офориэль все возможное уже и так рассказал.

– Дед? – удивился воин-маг, сообразивший, что его переправка в царство мертвых как минимум откладывается.

– Да, – кивнул Михаэль. – Кстати, прими мои соболезнования.

– С чем? – не понял Каэль.

– Он мертв. Лорды-жрецы каким-то образом узнали, кто помог захватить тюрьму, и татуировки убили его даже раньше, чем твоя камера открылась.

Бывший пограничник почему-то сразу всему поверил. Каким бы искусным в своем деле ни был тот, кто лежал на соседней койке, но с наскока справиться с чарами, окутывающими надежнейшее из узилищ Древнего леса, мог только бог. Но при помощи того, кто за восемь сотен лет жизни от и до изучил слабые места большинства охранных заклятий родного государства, такой лихой наскок вполне мог получиться.

– Как... как это произошло? – спросил окончательно осиротевший перворожденный, сумев справиться с нахлынувшими на него эмоциями. – Почему он обратился за помощью к вам и почему сумеречные эльфы вообще откликнулись на этот зов? Ссориться ради меня одного с целым государством...

– Сколько вопросов, а я так устал, – вздохнул Михаэль. – Впрочем, ладно, отвечу, а то ведь уснуть не дашь. Ты, разумеется, не знал, но твой дед давно работал против Древнего леса, шпионя в пользу дальних родичей, беглецов из его пределов. – И когда единственного внука бросили в камеру, откуда выход только на плаху, запаниковал и обратился к князю Западного леса, благо имеющиеся заслуги позволяли. А тот, не найдя способа помочь полезному слуге, решил посоветоваться со своим наставником Келеэлем. Поскольку дома того не оказалось, решено было поискать сильнейшего мага мира у меня.

«Он действительно ведет какие-то дела с этим великим чернокнижником, – сделал вывод Каэль. – Слухи не врал. А значит, слова насчет невозможности накостылять сразу трем лордам-жрецам вполне могут быть не пустой похвальбой. Вот интересно, если бы их всего двое было...»

– Я бы удрал, – прочитал мысли гостя (или пленника?) шаман. – С одним бы при необходимости еще попробовал силой помериться. Но только если другого выхода не осталось бы, так как шансы на победу у нас примерно одинаковые. Ваши правители намного опытней, а многие мои разработки этому миру настолько чужды, что хорошей защитой от них пока еще никто не обладает. Впрочем, мы отвлеклись. Когда заявился князь Западного леса, Келеэля у меня не было. Зато был хороший такой скандал, который устроила Лика, когда Шиноби поймал над ее тарелкой особо прыткого шпиона с ядом в руке, посланного альтернативно одаренным из коды ваших правителей. Это моя жена, если ты не в курсе. Да и я тоже, признаться, отреагировал на известие о попытке покушения не самым лучшим образом.

– То есть я был бы не первым, если бы заявился в Сумеречный лес, – пришел к выводу, на сей раз для разнообразия высказанному вслух, Каэль, устраиваясь на подушке поудобнее и потеряв возможность видеть собеседника. – А зачем лорды-жрецы решились на такой опасный шаг? После недавнего охлаждения отношений с Западным лесом это же просто идиотизм!

– Ну, возможно, ты стал бы первым, кто сумел не попасться. – Судя по голосу, Михаэль усмехнулся. – А насчет «зачем»... У одного из них, оказывается, имеется дочка на выданье, и придурок решил заключить политический брак, устранив помеху традиционным, по его понятиям, способом.

– Да, – со вздохом признал Каэль, – так бывает. Конечно, об этом вслух не говорят... но жены влиятельных персон без всякой магии молоды и красивы. В связи с ранней смертью. Политическая обстановка меняется часто, а женщины нашего народа живут долго. Отравление в некоторых кругах стало почти традицией.

– Хреновые у вас традиции, если хуже не сказать, – зло бросил Михаэль, и воин-маг ощутил, что окружающее его пространство как будто содрогнулось от гнева шамана. – В общем, этот урод с заросшими мхом мозгами послал надежного человека, для того чтобы освободить место на троне для своей дочурки. Профессионала, блин! Тот даром что ни разу не остроухий, но смог втереться в наше общество почти моментально и даже большинство охранных систем сообразил, как обмануть. Если бы не Семен с его паранойей, пришлось бы Лике опять дожидаться воскрешения. И возможно, не только ей.

«О великом чуде говорить как о рядовой процедуре?» – удивился Каэль раньше, чем сообразил, с кем общается. Для высшего мага невозможных вещей нет по определению. Есть такие, которые он по какой-то причине пока не может сделать.

– Это не так уж и сложно, если знать как, – уверил собеседника Михаэль, по-прежнему нагло читающий его мысли. – Главное – решить вопрос с душой, а тело приложится.

– Ну для высшего мага, конечно, «не так уж и сложно», – хмыкнул Каэль. – Он же наверняка знает все, включая даже такие по определению непостижимые причины, по которым огонь горит, вода течет, а солнце светит.

– Ну в общем-то да, – согласился Михаэль. – Имею некоторое научно обоснованное представление. Но речь не о том. Князь Западного леса заявился как раз в момент, когда духи

дожевывали то, что осталось от души шпиона, а я и мои друзья всю строили планы мести. Лика истерила, требовала, чтобы с Древним лесом разобрались раз и навсегда. Я, впрочем, был очень даже не против, но целую страну перворожденных мне не осилить при всем желании. Да и геноцид в качестве наказания за одного-единственного идиота – мера все же избыточная. В какой момент родился план атаки на крупнейшую тюрьму вашей страны, сочетающий приятное с полезным, сказать теперь вряд ли возможно. Но в результате большая часть армии Сумеречного леса телепортировалась, воспользовавшись тем, что твой дед перехватил управление защитой тюрьмы.

– Вы рисковали, – сделал вывод Каэль. – А если бы это была ловушка?

– Да не особо, – хмыкнул Михаэль. – Князь Западного леса обещал помочь. Инкогнито, но лично. С его фамильной силой мы точно прорвались бы. В общем, считаю, получилось неплохо, всем понравилось. Мне в профит пошли спасенные заключенные, среди которых, надо сказать, есть парочка весьма любопытных персон, и информация по экспериментам, которыми потихоньку занимались в тюрьме, выбирая подопытный материал из смертников. Князю – глубокое моральное удовлетворение и копия со всех лабораторных заметок. Тебе и остальным заключенным – жизнь и свобода. Магистра Офориэля вот только жаль, ну да он знал, на что подписывался. И даже лордам-жрецам с их подручными небольшой подарочек достался.

– Я могу узнать какой? – осторожно поинтересовался Каэль, прекрасно понимая, что взбешенный попыткой покушения на, очевидно, любимую супругу высший маг вряд ли приготовил персонам, подославшим в его жилище убийц, что-нибудь приятное.

– А почему нет? – вопросом на вопрос ответил Михаэль. – Боеприпас объемного взрыва, сравнимый по мощности с тактической ядерной боеголовкой. Сомневаюсь, что тебе что-то скажут эти слова. В общем, сейчас на месте тюрьмы хороший такой котлован, который, наверное, еще не остыл. Ну а выжившим стражникам было передано послание для ваших правителей. В нем говорится, что за каждого их посланца, который попробует провернуть нечто вроде того покушения, подобные «гостинцы» в количестве десяти штук будут посланы прямо в столицу.

– Это... война? – спросил Каэль, которому идея воевать с бывшей родиной вовсе не нравилась.

– Вряд ли, – неопределенно махнул рукой Михаэль. – Скорее, спор хозяйствующих субъектов. Но даже если и так, не я ее начал.

– Понятно, – солгал Каэль, которому было непонятно решительно все. – А что будет со мной и другими заключенными?

– Кто захочет и сумеет прижиться, останется среди сумеречных эльфов, – объяснил правитель. – Мы пока очень маленькое государство и в переселенцах нуждаемся чрезвычайно остро. Ну а кому наш уклад жизни придется не по нраву, а такие будут, уверен, те смогут уйти с первым же караваном. Могут и в одиночку попробовать, конечно, но до границы по пустыне они не дойдут. Все? А то я уже устал с тобой болтать.

– Еще один вопрос, – отважился Каэль, поражаясь собственной наглости. – А почему вы лежите здесь и все это мне рассказываете?

– Я порядочно задолжал твоему деду, да к тому же при разграблении тюрьмы переоценил свои силы, – меланхолично заметил шаман. – И зачем мне понадобилось отправлять телепортом в Сумрак не только людей, ну то есть эльфов, но и экспериментальных химер вместе с клетками и даже половину близлежащего кладбища?

– Куда? – переспросил воин-маг.

– В город, – пояснил Михаэль. – Так он называется. Духи чуть не надорвались, пока все это добро через свой мир тащили. Вот теперь лежу и мучаюсь одновременно от магического истощения, недовольства нематериальных подчиненных и чересчур болтливого соседа по палате, которому Кайлана нанесла травму, не исцеляемую магическими методами. А еще ведь и Лика меня в этом закутке разыщет и будет возмущаться, что я ее не так понял и начи-

нать военную операцию за одно неудавшееся покушение вовсе и не требовалось. Что я, свою жену не знаю?

Шаман оказался прав. Его супруга действительно появилась очень скоро и закатила такой скандал, что Каэль предпочел притвориться потерявшим сознание. Ну просто так, на всякий случай. Боевые маги славятся не только умением кидаться огненными шарами, но и хорошим чувством самосохранения. И оно настойчиво намекало, что привлекать к себе внимание женщины, способной без последствий наорать на высшего мага, не стоит ни при каких обстоятельствах. Если она может позволить себе это по праву, безопаснее пойти и пнуть по морде пещерного дракона со странным именем Шарик, а если муж ее настолько любит, что готов терпеть такие истерики, возражать ей тем более не стоит. А то вдруг еще превратит наглеца в цветочек, чтобы сделать даме сердца приятное?

«Да уж, – растерялся Каэль, когда семейная сцена между правителями сумеречных эльфов подошла к концу, выразившемуся в паническом бегстве шамана, вылетевшего сквозь стену куда-то за пределы комнаты прямо на кровати. – Даже не знаю, стоит ли мне оставаться у этих странных родичей или и правда попробовать уйти с первым караваном? Ладно, поживем – увидим, выживем – учтем».

Глава 3

Архимаг Келеэль пребывал в некоторой задумчивости, вызванной поступками двух эльфов, которых друг с другом роднило очень многое. Оба они были правителями своих народов, обладали некими особыми личными талантами, делающими их персонами, вне сомнения, стратегического значения, и, наконец, оба являлись кем-то вроде его учеников. Хотя вернее будет сказать, что древнейший маг мира просто помогал иногда своим собратям, выглядевшим по сравнению с пятитысячелетним демонологом сущими детьми. Ну вот просто так. По доброте душевной. И для поддержания репутации в глазах союзников, которых, в случае чего, можно привлечь к своим проблемам, разумеется. Правда, обычно это ему приходилось расхлебывать ту кашу, которую заварил кто-то, но особых усилий для этого легендарному волшебнику не требовалось. Но не теперь.

– Рвануло знатно! – восхищенно сообщил гном Протоклис своему старому партнеру, с которым их связывала тесная дружба на протяжении пары тысяч лет или чуть больше. – Ремонт... ну, в общем, не половину тех денег, которые мне за строительство этой душегубки заплатили, так треть твои ушастые родственнички выложат точно! Хотя, признаться, урона там едва ли на одну десятую, но когда эти зазнайки из Древнего леса умели работать с камнем?

Для того чтобы возвести крупнейшую в государстве тюрьму, правители Древнего леса некогда пригласили большого специалиста в этой области, являвшегося верховным жрецом бога гномов и, по слухам, то ли бывшей, то ли действующей аватарой последнего. Хотя за свои услуги предприимчивый подгорный житель всегда драл такую цену, словно являлся как минимум целым пантеоном в одном лице. Превзойти его в искусстве сооружения чертогов, неважно, какого назначения, из ныне живущих не удавалось еще никому, и можно было не сомневаться, что достойно отремонтировать одно из его творений смогут только те же руки, что когда-то создавали шедевр. Пусть даже этот шедевр служил тюрьмой. Из которой, кстати, ни одного побега до недавнего времени не совершалось.

– Что тебе удалось установить, спрашивая подземелье? – осведомился Келеэль.

– Многое, – надулся гном. – Я тебе так скажу, труповод ты мой наилюбезнейший. Если тех, кого там замучили перед твоей башней со всеми ее мертвяками, что в подвале спят, просто горочкой сложить, до звезд, может, и не достанет, а вот облака зацепит точно. Этот сарайчик, всеми роскошным дворцом считающийся, у ее подножия разглядеть удастся далеко не сразу.

– Ну я все-таки уединенно живущий исследователь таинств небытия, – усмехнулся Келеэль. – Ко мне еще живой материал со всей страны не привозят. Приходится самому с полей сражений таскать. Ну или из домов, если нечто особенное требуется, но я такого себе уже четыре тысячи лет как не позволяю. А смерть есть часть природы, причем интригующая, так что интерес лордов-жрецов к ней вполне понятен. Мне, во всяком случае. Масштабы, правда, вызывают некоторое изумление. Ладно, не отвлекайся... Чего там учудили эти... правители?

– Форменный раздрай, – довольно заявил гном, который к большинству перворожденных питал разнообразные чувства – от полного безразличия до искренней ненависти. – Мне поначалу даже обидно стало за свое творение, что штурмом его взяли, словно курятник какой. Но если подумать, тут охранники виноваты, а не стены. Твои воспитаннички вломились сквозь защиту, в которой им отворили дверь, а иначе, уж поверь, гоблина лысого у них бы что получилось. А дальше... ну эти их громыхалки, которые огнестрельные, ты мне показывал, огнемет и ракеты тоже... Не маг с силой, прежде доступной обычно лишь чародеям да героям с легендарным оружием... Это не страшно, если он один. А вот если их полсотни, да при поддержке трех драконов, тогда становится весело. Ящеры шли первыми и приняли удар растерявшихся чародеев, охраняющих тюрьму, без особых для себя последствий. А дальше кое-кто, нам обоим известный как твой сюзерен, просто воспользовался фамильной силой и вынес охран-

ников ударом, сожравшим, наверное, половину его запаса сил. Сумеречным эльфам осталось лишь расправиться с ошеломленными стражниками, впрочем, они их даже убивать не стали. А вот заключенные отвели душу. Вообще штурм был стремительным, поскольку организованное сопротивление после такого начала смогли создать лишь на входе в особые отнорки, где занимались вещами, на всеобщее обозрение не выставляемыми. А таких раз-два и обчелся.

Жаль, что ходячие деревья, которые встроенными амулетами обвешаны, как шаманы бусами, глубоко не пролезли, побоялись в коридорах застрять. Очень хотелось их в бою увидеть, ну да ладно, успею еще. И если подумать, несильно они отличаются от големов, вышедших из рук признанного мастера. Единственное, чего я не понял, – это почему духи взялись за обычными эльфами следовать и их команды выполнять. Они же тупые, кроме высших, а те поголовно... хм... Ну или, скорее, подушевно с прибабахом! Как твой Михаэль этого добился?!

– Сложно объяснить, – вздохнул Келеэль. – Он, кажется, и сам не до конца понимает. Что-то из магии его родного мира, называется программированием. В общем, при подготовке к бою зачаровывается один высший дух из самых понятливых, которого почему-то надо именовать сервером, а потом ему зачитывается длинный перечень приказов, которые он должен отдавать, ориентируясь на действия бойцов, снабженных амулетами под названием «мышь».

Фамилиар Келеэля, в очень-очень далеком прошлом бывший именно этим животным, немедленно вывалился из воздуха прямо на плечо древнего волшебника и вопросительно пискнул. Протоклис покосился на существо, которое в обычном состоянии выглядело как банальный грызун, с неодобрением. Видимо, никак не мог простить любимую наковальню, которую фамилиар сжевал во время одного из визитов архимага к другу. Впрочем, он тогда много чего успел попробовать на зуб, начиная от мебели и заканчивая волшебными доспехами сбежавшихся отражать атаку жуткого чудовища паладинов. Возможно, верховный жрец бога гномов не мог простить ему именно последнее. Хотя вид улепетывающих двух десятков бойцов, двое или трое из которых вполне заслуживали звания «мастер меча», несмотря на то что ходили с топорами, был забавным. Может, оттого, что бегущие бородачи всегда вызывали у иных народов приступ веселья из-за несуразных пропорций, а может, оттого, что после знакомства с питомцем пятидесятилетнего демонолога прикрыты отважные воители остались лишь собственной честью. Ибо одежду монстр, который сейчас сидел на плече древнего волшебника, тоже сжевал. Вернее, растворил в себе, продемонстрировав способ питания, характерный для обитателей Хаоса, но никак не для мирных грызунов, населяющих план смертных.

– Ладно, мне эти штучки все равно без надобности. – Верховный жрец гномов в шаманизме был подкован превосходно как на теоретическом, так и на практическом уровне, но вот среди его сородичей магов подобной направленности можно было пересчитать по пальцам. – Лучше объясни, каким образом Михаэль умудрился соорудить бомбу, которая без его непосредственного участия произвела такой знатный взрыв, что основательно порушил тюрьму, воздвигнутую этими вот руками.

– Думаю, ты ограничился ритуальным ударом кирки, – хмыкнул Келеэль. – А остальное делала божественная сила. Так, значит, взрыв был силен?

– Не то слово! – кивнул гном. – И настроен как точно: только лорды-жрецы приблизились, как гроыхнет! Им хоть бы хны, разумеется, как и чародеям-придворным, а вот простым воинам из свиты пришлось несладко. Кого просто сдуло, кому по голове булыжником шарашнуло. Размером с них самих. Эпицентр вообще напоминал «недра вулкана». А это, если помнишь, одно из немногих заклятий уровня магистра, способное при удаче уничтожить архимага.

– Кому ты говоришь? – поморщился от неприятных воспоминаний Келеэль. – Меня им однажды испепелили. Пришлось новое тело создавать.

– Вернее, занять уже подготовленное и ждущее подходящего случая в тайнике, про который никто не знает. – Протоклис никогда не уставал попенять старому другу на некоторые аспекты жизни, которые верховному жрецу не нравились. В частности, гном не видел ничего

ззорного в том, чтобы создать новое вместилище для духа, но вот вырастить точное подобие из собственной крови и хранить в кладовой не согласился бы ни за какие деньги, поскольку почему-то считал такой поступок аморальным. Впрочем, на пятитысячелетнего некроманта такие мелочи принципиально не действовали. – И как, кстати, ощущения?

– В лаве искупайся, сам поймешь, – насутился Келеэль. Он не любил вспоминать про моменты, которые могли оборвать его длительное существование. И тот день был как раз таким. Если бы на редкость талантливый магистр огня, ударивший в спину уже всемирно известному, но еще не легендарному архимагу, к которому пришел улаживать конфликт между могущественным чародеем и собственным сыном, сдуру сделавшим вызов на самоубийственную дуэль, пережил собственное заклинание, то мог бы и с душой покойного, ошарашенной внезапной смертью, разобраться. Но он тоже сгорел в пламени, жар которого превращал песок в стекло даже в сотне шагов от места, где бушевала стихия. Вот только в отличие от своего противника лазейки с того света на такой случай не заготовил. – Да, любопытная вещь – эти вакуумные бомбы.

– Тебе известно использованное плетение? – приподнял бровь верховный жрец бога гномов. – Поделишься?

Поскольку среди бородачей магов было не просто мало, а очень мало, они поголовно избегали прямого боя, как только могли, и слыли лучшими мастерами ловушек в мире. И способ разнообразить свой убийственный арсенал столь эффективным приемом должны были оценить весьма высоко.

– У меня есть схема изготовления этого артефакта, так что никаких проблем, – сказал Келеэль. – Собственно, Михаэль со мной ее и согласовывал, чтобы ошибок не допустить, только я не думал, что это будет так эффективно. А ведь все началось с обычных мельниц... Ты вот знал, что они взрываются?

– То есть как «с мельниц»? – осведомился Протоклис заинтересованно. – Да я про подобное слышал, и не раз. Но там, по-моему, совсем не такие масштабы.

– Принцип один, – пояснил архимаг. – В воздухе рассеяно вещество, например мука, которое при определенных условиях способно лавинообразно детонировать. А если это более легковоспламеняющаяся пакость, да к тому же духами воздуха специально распыляемая и поддерживаемая в заданной концентрации, то эффект, не побоюсь этого слова, грандиозный. Чем больше вещества одновременно вступает в реакцию, тем выше сила взрыва. «Недра вулкана» точно так же, кстати, работают, только там вместо хитрой алхимической взрывчатки, соединенной с активатором, магическая сила самого чародея применяется.

– Вот только требуется ее очень много, – задумался Протоклис. – Столько лишь у магистров наберется, да и то, наверное, не у всех. А создать сколь угодно сложную взрывчатку моим верующим по силам. Ты сделал мне щедрый дар, Келеэль. Чего попросишь взамен?

– Сочтемся, – безразлично пожал плечами архимаг, у которого и так было все возможное, невозможное и даже официально не существующее. – Лучше сумеречным эльфам помоги. Михаэль через князя сразу после того, как с ним познакомился, разместил в гильдии магов заказ на переносные порталы, и чем больше их ему доставят, тем лучше. Все запасы уже подчистую смел... Куда ему столько? Ведь имеет же всего один город, который и крупным-то назвать нельзя, да пустыню, которую охранять бесполезно, ибо украсть ее не только никто не сможет, но даже и пытаться не будет. А у ваших мастеров зачарования, я знаю, всегда запасы всевозможных артефактов имеются. Продай ему их, тем более и цену дают хорошую. Да, и особо ему интересны те врата, что ведут на элементарные планы.

– Оптовым покупателям даже скидку выбью, – пообещал Протоклис. – Но ты потом расскажешь, зачем ему столько.

– Не вопрос, – согласился архимаг. – Тем более самому интересно, но спрашивать некогда. Мне скоро придется всерьез заняться своей душой.

– Опять? – удивился верховный жрец бога гномов. – Ты вроде бы всего триста лет назад очередной раз в спячку впадал. Может, помочь?

– Не надо, – покачал головой древний эльф. – Сам понимаешь, процесс более интимный, чем встреча с женщиной, и более опасный, чем ночь с голодной демоницей. И сколько раз повторять, что это не спячка, а глубокая медитация и восстановление износившихся структур?

– Раз по полгода лежишь бревном и не шевелишься, то по-другому это назвать нельзя, – упрямо стоял на своем Протоклис. – Давай хоть посторожу, что ли, а то ведь беззащитен в это время, как младенец.

– Нет, – снова покачал головой Келеэль. – Извини, друг, но тайну своего убежища не могу доверить даже тебе.

– Ну и дурак, – сделал вывод гном. Впрочем, к нему Протоклис пришел еще тогда, когда в первый раз узнал от эльфа, как тот борется со старением души. Износившееся тело починить для высшего мага было относительно легко, в то время как тонкие материи требовали куда более пристального внимания. Самого-то верховного жреца исцеляли высшие силы, а вот его партнеру приходилось с проблемами справляться самостоятельно. Ну почти. Пленные демоны, все остальное время балансирующие на грани жизни и смерти, не в счет. – Выследят тебя когда-нибудь и зарежут во сне. А душа в следующем перерождении, на которое немедленно отправится, даже и не вспомнит кто.

– Зато у этого способа других недостатков, кроме полной моей беззащитности во время ритуала, нет, – возразил Келеэль. – Да и меры безопасности я принимаю такие, что даже бог в мое убежище не проникнет. Просто потому, что не найдет его.

– Да уж, прятать и прятаться ты мастак, – с некоторым оттенком зависти произнес Протоклис. – Ллос, наверное, своих слуг, которым поручалось найти и поймать беспомощную жертву, устала наказывать. Нет, а все-таки хорошо получилось с набегом. Особенно молодому шаману повезло. В пустыне, как я понял с твоих слов, был переизбыток свободных баб, а теперь с соотношением полов полный порядок. В тюрьме-то в основном мужики сидели. Молодым женщинам всегда найдется более полезное применение, чем показательная казнь, а эльфийки не стареют долго.

– Да и натянутые отношения с лордами-жрецами, если подумать, нам с тобой на руку, – поддержал его Келеэль. – Раньше, чем через тысячу лет после подобных взаимных плюх, сумеречные и восточные ветви перворожденных на высшем уровне ни одного договора не заключат. За меньший срок эти спесивые зазнайки обиду не переварят.

– Не любишь ты своих родичей, – хмыкнул гном.

– Есть за что, – подтвердил архимаг. – Они несколько раз объявляли Западному лесу войну. Один раз из-за сидящего здесь и поныне чародея, который в те годы их Древний лес видел исключительно на картинках и знал о нем лишь по книгам и рассказам немногочисленных путешественников. И чужие армии не смогли дошагать до наших границ только из-за бездарности полководцев! На их фоне, если честно, даже дроу как-то лучше выглядят. С ними, по крайней мере, сразу все ясно. Если кожа черная – враг.

– Теперь уже нет, – покачал головой верховный жрец. – Сам говорил, сумеречные их готовы принимать. И кто-то из этой мерзости даже уже там. Зря Михаэль этих ядовитых пауков решил на груди пригреть, ой зря.

– Молодо-зелено, – пожал плечами Келеэль. – Я пробовал его отговаривать. Не получилось. Впрочем, не особо старался, время само расставит все на свои места. Первый же заговор, который приведет к смерти кого-то из его близких, – и духи долго будут играть с черепами, на которых будут остатки белых волос.

Друзья еще немного поболтали, обсуждая события, произошедшие в мире, после чего Протоклис отправился к себе домой, так как приближалось время очередной службы, которую он в связи с занимаемой должностью обязан был проводить чаще, чем ему хотелось. А вот

архимаг после его ухода крепко задумался. Его тревожили сразу две вещи. Во-первых, грядущий ритуал. Он обещал быть тяжелым, ведь триста лет назад Келеэль его не проводил, а только сделал вид, что стал на полгода беспомощным, чтобы выявить всех своих врагов, обязательно воспользовавшихся бы моментом, чтобы расправиться с сильнейшим магом мира. А во-вторых, конфликт его подопечных с Древним лесом.

– То, что лорды-жрецы попытаются сквитаться, – произнес вслух Келеэль по многотысячелетней привычке, – можно считать доказанным фактом. Прямую войну они не станут использовать, или я плохо знаю этих фанатичных идиотов. Надо ждать пакостей. Но каких? Эх, как все не вовремя! Очень не хочется покидать эту реальность, пусть не телесно, но духовно, но, видимо, придется. Хорошо хоть, не на месяцы, как думают все, а на недели. Время ведь, оно как река. Его можно притормозить, а можно и ускорить. Если, конечно, обладаешь нужными навыками. Ладно, не буду медлить, вот прямо сейчас восстанавливающий ритуал и начну!

Каэль занимался делом, для себя новым и в общем-то совсем непривычным. Он скучал. Шел уже шестой день, как он «освободился» из тюрьмы, и четвертый, как его выпихнули из палаты лекарей под странным названием «Больница». Делать воину-магу было решительно нечего. Сумеречные эльфы, общее число которых, как с удивлением узнал бывший житель Древнего леса, приближалось к полусотне, были по горло заняты тем, что допрашивали спасенных пленников, которых пока ни к чему важному или хотя бы способному хоть как-то заполнить время не привлекали. Вернее, этим занималась правящая верхушка, а остальные выполняли свои повседневные обязанности, как то: патрулирование границ новоявленного анклава народа перворожденных, надзор за союзниками, основное число которых составляли люди вида, прямо скажем, диковатого, и воспитание зачем-то набранного гигантского числа человеческих же детей. Каэль смысл большей части этих занятий не понимал, но с вопросами лезть не спешил. Ему пока было достаточно и того, что трофейное оружие у спасенных не отнимают, кормят регулярно, а спрашивают без сопроводительных побоев. Правда, с использованием ментальной магии, но эльфы, которые замечали вторжение в свой разум, в большинстве своем принимали это как должное. А парочка «исключений», осмелившихся бурно протестовать против подобного, не была показательно превращена в пепел шаманом, который незримо присутствовал всегда и везде, через своих духов наблюдая за растущим посреди песков поселением. Впрочем, последние два дня даже нехитрое развлечение в виде рассказов о себе со всевозможными уточняющими смысл и повторяющимися друг друга вопросами, которые чаще задавал уже знакомый воину-магу Шиноби, почти прекратилось. В настоящий момент Михаэль, не поленившийся лично обратиться к тем, кого вытащил из темницы, разрабатывал общий текст присяги для пленников, что выразили желание присоединиться к сумеречным эльфам, а таких набралось целых двадцать семь. Еще четыре с половиной десятка решили переселиться в Западный лес, страну более известную и, чего греха таить, цивилизованную. Их почти всемогущий говорящий с духами отправил куда-то через один из множества имеющихся у него порталов сразу, как убедился, что своего мнения они не изменят. Каэль, правда, сомневался, что выйдут они действительно там, где хотели, а не, скажем, в человеческих землях, где переселенцам, оказавшимся без поддержки, денег и к тому же плохо вооруженным, светила, скорее всего, скорая смерть или рабская участь. Не то чтобы Михаэль выглядел таким уж злодеем, вовсе нет, просто жизнь отучила бывшего пограничника Древнего леса верить во всемогущих и добрых правителей. А потому молодой чародей бродил в закатных сумерках со скучающим видом вокруг свежесозданных бамбуковых насаждений, создававших на желтом песке пустыни причудливый зеленый лабиринт, и страдал пусть не физически, но душевно. От затянувшегося безделья. Тренировки, начатые с самого раннего детства и не ослабевшие с началом службы, отучили воина-мага не просто от наличия свободного времени, а от возможности его существования вообще. Раньше каждое мгновение приходилось вырывать с боем,

теперь же день тянулся, судя по ощущениям, столько же, сколько прежде месяц. Эльф даже начал серьезно подозревать, что высший маг, в чьей резиденции он теперь намеревался жить, экспериментирует с этой великой и могущественной основой мироздания. Во всяком случае, это бы не слишком выбилось из общей картины жизни Сумеречного леса, напоминающей, по мнению бывшего пограничника, бред сумасшедшего. Он исходил город, не такой уж и большой, признаться, вдоль и поперек. И увиденное там не раз заставляло его задуматься о состоянии собственного рассудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.